

Дин Сухов
Лхакарчун

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2011

Сухов Д.

Лхакарчун / Д. Сухов — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2011

ISBN 978-1-4660-4816-4

«...Моя увеселительная поездка в Нью-Йорк обломилась на неопределенное время. Солнце померкло в моих глазах, и вокруг сгустился свинцовый туман обреченности. Всего сутки назад мне казалось, что моя мечта сбылась и я, наконец, смогу побывать в андерграундном музыкальном клубе CBGB и воочию узреть восходящих звезд американской нью-вейф и панк-сцены! И вот, как назло, перед самой моей поездкой из Боливии звонит моя мать и просит навестить моего родного отца на Saligia. Якобы у него случился сердечный приступ, он лежит при смерти и все такое!...»

ISBN 978-1-4660-4816-4

© Сухов Д., 2011

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2011

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дин Сухов Лхакарчун

Пролог

*Когда Неопределенная реальность предстанет передо мной,
То, отбросив всякую мысль о страхе и трепете перед всеми
видениями,
Да сумею я понять, что они – лишь отражения моего собственного
ума,
Да сумею я понять, что по природе своей – это лишь иллюзии
Бардо,
И в решающее мгновение возможности достижения великой цели
Да не убоюсь я сонмов Мирных и Гневных Божеств – ран-нан.
Тибетская книга мертвых (Бардо Тедол).*

Из секретного доклада капитана британского легкого крейсера HM Wogsalg (21) Ульфа Диккинсона начальнику управления военно-морскими операциями.

...30 июня, после получения значительных повреждений при перестрелке с немецкими береговыми батареями северо-западнее Шербура, крейсер HM Wogsalg (21) выбыл из состава Западного соединения и получил приказ прибыть в Белфаст на ремонт.

В этот же день крейсер подвергся атаке с воздуха двумя немецкими ракетноносцами типа DO-27. Атака была отбита успешно при помощи нашей корабельной зенитной артиллерии. Один вражеский самолет был нами сбит на второй заходе. Второй самолет успел сбросить корабельную управляемую ракету «Henshel Hs 293» и благополучно ушел из под обстрела. Ракета взорвалась под левым бортом крейсера, повредив рулевое управление.

Итак, получив ранее у Шербура попадания в надстройки в районе ангара и кормы с повреждением электрических кабелей и оборудования управления огнем, крейсер, после атаки немецких ракетноносцев, вынужден был перейти на скорость с 32 до 6 узлов в час. После доклада штурмана корабля, я принял решение встать на короткую стоянку для срочного осмотра и ремонта ручного управления в бухте Лок около острова Saligia (координаты 49 градусов 43 минуты северной широты, 2 градуса 27 минут западной долготы). Остров находится в 19.5 км от Олдерни и входит в группу Нормандских островов. По нашим разведанным на Saligia не было замечено каких-либо баз или артиллерийских батарей противника. Реальную опасность для нас могли представлять три немецкие батареи (15–17 см орудий), расположенные на Олдерни и немецкие 305-мм артиллерийские батареи «Мирус» на острове Гернси. Но все же я рискнул отдать приказ встать якорем в бухте острова Saligia. Кроме того, я связался по радио с командованием 1-й военно-морской группы и попросил о помощи.

Ночь прошла без происшествий, если не считать, замеченных нашими вахтенными офицерами неопознанных блуждающих огней на берегу. На всякий случай, я приказал усилить ночную охрану и контроль над береговой полосой. Ремонтная команда работала в две смены, торопясь устранить

повреждения и неполадки. По моим расчетам, к обеду следующего дня, мы должны были сняться с якоря и продолжить путь.

В 7-00 утра мы получили сообщение по радио о том, что нам придан для сопровождения легкий крейсер HMS Retse (62). Ко времени нашего отправления, он должен был с нами встретиться.

В 8-30 утра радист доложил мне, что получено странное сообщение с берега. Привожу его дословное содержание: «Мы поданные британской короны просим о помощи всех кто нас слышит. Спасите наши души». Посоветовавшись с офицерами, я отдал приказ поднять в воздух наш гидросамолет «Supermarine Walrus» и произвести разведку острова с воздуха. По нашим проверенным данным на острове располагалось единственное небольшое поселение, в котором проживало около сотни фермеров из Франции и Англии. Кроме того, на скалистом берегу, около бухты стоял заброшенный бенедиктинец монастырь. Теретически, при грамотном использовании его стен, в нем можно было бы оборудовать достаточно удобный наблюдательный пункт и установить огневые пулеметные и артиллерийские точки. Монастырь стоял на высокой скале, и прекрасный обзор из него позволял контролировать практически весь остров и бухту.

В 9-30 гидросамолет вернулся с разведки. Летчики принесли данные о том, что в селении ими не было замечено каких-либо признаков присутствия людей. И, напротив, во дворе заброшенного монастыря ими было зафиксировано заметное движение неопознанных лиц, одетых во все черное. Кто это были: мирные фермеры или же солдаты противника мы не могли знать. Поэтому, мною было принято решение произвести дополнительную разведку острова. Произвести разведку вызвался лейтенант Уоррент Смит со своими молодцами из батальона Королевских морских командос.

В 10-00 две шлюпки с двадцати пятью командос отплыли к берегу. Отряд был вооружен винтовками «Enfield», пистолетами-автоматами «Sten» и легкими пулеметами «Bren». Прибыв на берег, командос разделились на две группы. Одна направилась в сторону селения фермеров, другая под предводительством лейтенанта Уоррента стала подниматься к стенам монастыря.

11-00 утра мы получили сообщение от первой группы командос. Они тщательно обследовали все селение, но не обнаружили никаких признаков жизни. Фермеры либо покинули его сами, либо кто-то им в этом помог. После осмотра селения, первая группа направилась в сторону монастыря, намереваясь объединиться со второй группой.

Вторая группа тем временем обнаружила в старом монастыре несколько десятков монахов преклонного возраста. К удивлению лейтенанта Уоррента монахи совсем не говорили на английском. Они изъяснялись между собой на северном нормандском диалекте. И так как в отряде никто хорошо не владел французским языком, было неясно кто эти монахи и откуда.

11-25 утра группы вновь объединились в отряд. Не смотря на явные протесты монахов, лейтенант приказал начать обыск в монастыре. Радиосообщение пришло с острова, а значит, где-то на нем и прятался радист с радиостанцией и поэтому, его нужно было найти и подробно допросить.

В 12-00 со стороны монастыря неожиданно послышалась сильная стрельба из английского стрелкового оружия. Я приказал запросить по радио группу. Но только в 12-20 мы получили короткое сообщение от командира

отряда Уоррента. Оно гласило: «Вызываю огонь на себя. Цель-монастырь. Прощайте джентльмены». Честно говоря, сообщение лейтенанта легендарного батальона повергло меня в легкий шок.

В 12–25 я отдал приказ готовиться к спуску второму отряду, состоящему из смешанного взвода командос и моряков.

В 12–30 вахтенный офицер Слейд увидел в бинокль бегущего по берегу к воде человека. Это был один из командос Уоррента Смита. Он бросился в воду и быстро поплыл к нашему крейсеру.

В 12–40 обессилевший боец был поднят на борт корабля. Он был в очень плохом состоянии. Кроме глубоких ссадин и ран на груди и животе, у него был сильно разворочен бок. К тому же парень был явно не в себе. Он что-то все время бессвязно бормотал, и все время пытался вырваться из рук, державших его моряков. Не смотря на это, я все же смог добиться от него вразумительного ответа. Его содержание было невероятным и поистине ужасным. Перед тем как потерять сознание от ран и пережитого, он поведал мне и моему первому помощнику лейтенанту Рэю Старджесту о том, что при обыске монастыря, бойцы отряда наткнулись на охраняемую странными монахами запечатанную комнату. Сначала один из монахов принялся знаками убеждать бойцов не входить в запретную комнату, так как там их якобы ждала страшная расплата за непослушание. Но бойцы лишь посмеялись над ним и посоветовали уйти с дороги и не мешать их обыску. Тогда служители монастыря попытались силой отогнать элитных бойцов от двери таинственной комнаты. После ожесточенного сопротивления монахи разбежались в разные стороны, а бойцы, сбив массивный замок и взорвав запечатанную входную дубовую дверь, оббитую железными полосами, смогли проникнуть внутрь комнаты. Но если бы они знали, что может их ожидать в комнате, они бы сто раз подумали, перед тем как приближаться к ней. Внутри располагался внушительного вида алтарь, обставленный восковыми свечами и предметами какого-то древнего культа. В первую минуту бойцам показалось, что в комнате никого не было, но они ошиблись. И эта ошибка, явившаяся роковой, стоила им жизни. Кто-то или что-то напало на бойцов и в считанные секунды превратило их в бесформенные куски мяса. Кто-то из бойцов успел выстрелить, кто-то закричать, но выскочить живым из комнаты успел только наш рассказчик. Несмотря на страшную неведомую опасность, остальные бойцы поспешили на выручку погибающим товарищам, но и их, по-видимому, постигла та же участь. Рассказ был довольно интригующим, но не прояснил ситуацию и нагнал на наши головы еще больше тумана тревоги.

Теперь я не знал, как поступить: высылать на выручку бойцам Уоррента второй отряд или последовать его последней радиогамме и уничтожить злополучный монастырь залпами наших 152 мм / 50 орудий? Стоило ли жертвовать жизнями парней второго отряда или же рациональнее было размотать снарядами головы нескольким десяткам полоумных монахов в отместку за гибель наших лучших солдат и убраться восвояси?

Решение пришло в 13–00, а именно, со стороны монастыря в нашу сторону по воздуху стала двигаться непонятная темная субстанция.

Она одновременно напоминала и тучу, и... живое существо! На крейсере поднялась паника. Особо набожные матросы стали падать на колени и призывать Иисуса и Богородицу на помощь. Я понял, что если не предпринять срочных решительных действий, то через минуту другую, ситуация на боевом

корабле может полностью выйти из под контроля. И я принял единственное, как и теперь считаю, на тот момент решение, открыть огонь из орудий главного калибра по стенам монастыря.

13-05 начался артиллерийский обстрел.

13-20 я приказал прекратить обстрел монастыря и прилегающей к нему территории. Зловещая туча на небе рассеялась так же внезапно, как и появилась до этого.

13-30 в бухте появился легкий крейсер HMS Retse (62) и я почему-то понял, что больше нам здесь ничего не грозит.

14-00 наш крейсер снялся с якоря и в сопровождении систершипа отправился курсом на Белфаст. Дальнейший наш путь прошел без происшествий и 3 июля мы прибыли в Тайн и встали на ремонт на верфи Palmer,s Yard в en: Hebburn...

(1 августа 1944 г. Штаб управления военно-морскими операциями).

Выдержка из статьи английской газеты «Illustrated London News» под заголовком «Уничтожена секретная немецкая база» на острове «Saligia».

... 15 мая на остров Saligia, входящий в группу Нормандских островов, при огневой поддержке легкого крейсера НМ Wogsal (21), высадился английский морской десант. В ходе ожесточенного боя, королевскими морскими пехотинцами были уничтожены все курсанты из секретной диверсионной школы, расположенной в древнем бенедиктинском монастыре. После тщательной проверки найденных документов уцелевшего архива базы выяснилось, что почти все погибшие курсанты были выходцами из Украины и Грузии ранее захваченные в плен на Восточном фронте. Сначала они содержались как «добровольцы» на острове Олдерни в лагерях для военнопленных в Борнуме и Гельголанде, а после отбора переведены в секретную диверсионную школу на Saligia.

Безвозвратные потери с английской стороны: двадцать четыре морских пехотинца против семидесяти двух иностранных диверсантов.

«Не смотря на всю безнадежность положения, бывшие „красноармейцы“ отказались капитулировать и дрались как настоящие львы. Этим и объясняются столь высокие потери личного состава штурмовой роты морской пехоты». – Так прокомментировал нашему корреспонденту минувшие события боя капитан Ульф Диккинсон капитан легкого крейсера НМ Wogsal (21), с борта которого и производилась атака морской пехоты Ее Величества.

...

(1 сентября 1945 г. Лондон).

Отрывок из стенограммы, записанной со слов доктора психиатрических наук Питера Стендаля и его подопечного бывшего рядового (marine) батальона Королевских морских командос Сэм-Юнга.

– Сэм Расскажи мне, пожалуйста, что тебе приснилось прошлой ночью.
... Не волнуйся. Не торопись... Говори, когда сможешь, я подожду. ...

– Док, я снова был там. Черт побери, каждую ночь я попадаю в это проклятое темное место!

– Хм, ну в первый раз ты мне говорил, что там достаточно светло и светит яркое солнце! Что не так на этот раз?

– Все не так док, все не так. Солнце или то, что там ярко светит и в самом деле присутствует, но оно... оно злое!

– Почему ты так решил Сэм?

– Оно не светит. Оно жжет. Жжет до самых костей. Лучи его сжигают мою память и душу. Я начинаю забывать кто я такой на самом деле.

– А кто ты Сэм на самом деле?

– Я... я рядовой батальона Королевских морских командос. Моя миссия уничтожать фашистских ублюдков и их приспешников. Уничтожать без суда и жалости. Всех до одного! Всех до одного к черту! К черту! ...Но почему в это место попал именно я, а не кто-то из убитых мною врагов? Вы даже не можете представить себе док как мне страшно! Мне очень страшно, док!

– Я пытаюсь тебе помочь Сэм. Ты только доверься мне и делай то, что я говорю.

– Ты, дурак док и ровным счетом ничего не знаешь о том, что со мной происходит. Я участвовал при высадке в Дьеппе. Да в сорок втором, будь он проклят этот сраный Дьепп и наши глупые самоуверенные штабисты. Да, да, я был в Дьеппе и выжил в отличие от многих других бедняг, которые шли со мной на убой.

Я был в Италии в сентябре сорок третьего. Участвовал в боях при Салерно и в Калабрии. Было ли мне страшно тогда? Конечно, мне всегда было страшно. Я живой человек и вид сотен изувеченных, орущих от невыносимой боли товарищей не может не подействовать на здоровую психику. Чтобы совсем не сойти с ума в этом Аду, я много пил. И это мне помогало, но не всегда. Память солдата трудно залить спиртным.

– Ты устал от войны Сэм, ты устал от войны.

– Да, я устал док. Я смертельно устал. Так устал, что забыл даже о женском смехе и ласке. Все это для меня теперь находится по другую сторону стеклянной стены. Здесь покой и белая тишина, а там где я провожу свою ночь лишь кипящая тьма, которая пожирает меня изнутри. Я больше не принадлежу этому миру док потому, что он забрал его у меня.

– Кто Он, Сэм? Кто такой Он, ответь мне?

– Дуднагчун!

– Не понял, повтори, пожалуйста, еще раз Сэм.

– Повторяю док, Дуднагчун, Дуднагчун!

– Это Он? Это Он, Сэм?

– Да это Он, тот, кого я больше всего боюсь. Тот, кто забрал в плен мою душу и медленно сжигает ее, превращая в горсть серого пепла. Это то, что нельзя преодолеть и сравнить с тем, что я пережил на войне.

– Сэм, успокойся Сэм! Это просто твои страхи, обличенные в образ, придуманный тобой. Это просто аккумуляция твоих страхов, Сэм!

– Пошел вон, вон отсюда, дурак! Какой же ты дурак док! Какой же ты дурак, о боже!!! ...

1 февраля 1946 г. Гринвичский королевский военно-морской госпиталь (Royal Naval Hospital).

...Моя увеселительная поездка в Нью-Йорк обломилась на неопределенное время. Солнце померкло в моих глазах, и вокруг сгустился свинцовый туман обреченности. Всего сутки назад мне казалось, что моя мечта сбылась и я, наконец, смогу побывать в андерграундном музыкальном клубе CBGB и воочию узреть восходящих звезд американской нью-вейф и панк-

сцены! И вот, как назло, перед самой моей поездкой из Боливии звонит моя мать и просит навестить моего родного отца на Saligia. Якобы у него случился сердечный приступ, он лежит при смерти и все такое!

Отец... Отец. Последний раз я видел своего отца ровно десять лет назад. С тех пор минула почти половина моей жизни и у меня все как – то не получалось навестить своего старика. Жизнь в Манчестере бурная и я часть этой бурной жизни. Мне нравится мой разноликий город и я никогда не понимал своего родного отца с тех пор, как он поселился в такой глуши как остров Saligia.

Мои родители развелись, когда мне не было еще и пяти лет. Мы всегда жили на западе, в живописном пригороде Манчестера и для отца он тоже когда-то был любимым городом. Здесь он родился и здесь же начал заниматься живописью. Моя мать окончила Манчестерский университет и со временем стала известным археологом и специалистом по древним народам Южной Америки. Я плохо помню из за чего именно разбежались мои старики, но то, что одной из веских причин стали длительные экспедиции моей матери в Перу, Боливию и Мексику, это я знаю точно. В отличие от непоседливой и деятельной матери, мой старик всегда был заядлым домоседом и его меланхолический склад характера лучше всего отображался в его депрессивных и мрачных полотнах в стиле раннего импрессионизма. Но все же творчество моего отца пользовалось некоторой популярностью не только в Манчестере, Бирмингеме и Лондоне, но и за пределами туманного Альбиона. Я слышал от матери, что отца почитали в парижской богеме и называли «новым гением 60-хх». О боги, но как давно все это было!

Прожив вместе около шести лет, мои предки мирно разбежались. Отец неожиданно прекратил свою творческую деятельность и к недоумению многих своих друзей и коллег переехал на новое место жительства на крохотный остров Saligia, что находится в проливе Ла-Манш между Бретанью и Нормандией. На деньги, скопленные от продажи своих картин, он приобрел себе курортный отель «Golden beach» с видом на глубоководную бухту Лок. В Манчестер отец приезжал лишь однажды по какой-то финансовой надобности. Все же остальное свое время он теперь проводил в пределах Нормандских островов, впрочем, посещая иногда Францию.

Мать моя горевала недолго и уже через год вышла замуж за профессора-археолога из Манчестерского университета, в котором преподавала с некоторых пор в ранге доктора исторических наук. Этот выбор матери, как мне всегда казалось, был наиболее удачным, чем предыдущий опыт замужества за унылым меланхолическим гением склонным к занудству. Грех конечно говорить так о родном отце, но сэр Рэйли выглядел просто суперменом на фоне моего блеклого отца. Высокий, стройный с копной непослушных пшеничных волос, всегда веселый и дружелюбный, иногда он напоминал мне вымышленного героя из приключенческих романов Майн Рида и Фенимор Купера. Мой отчим был одновременно похож как на бывшего ковбоя, так и на лощенного джентельмена из палаты лордов. В Америке таких роковых красавцев называют «мачо».

Мать от него была без ума и это чувство как я видел было взаимным, так как моя мать, по мнению сэра Рэйли была настоящим воплощением богини инков Мамы-Киль. Я никогда не видел богини Луны инков, но судя по тому, как трепетно отчим относился к моей матери, думаю, он говорил правду!

Мать с отчимом были просто помешаны на истории инков, моче, уари, чиму, наска и пукину и нередко участвовали в экспедициях в Южную Америку, финансируемых Манчестерским университетом и Британской археологической ассоциацией. Сотни километров по непроходимой сельве, по гниющим тропическим болотам и коварным горным кручам нельзя было назвать тихой и спокойной прогулкой и поэтому, я нередко волновался за своих одержимых родителей.

Однажды я и сам принимал участие в одной из их научных поездок в столицу Перу-Куско. Мы приехали по приглашению одной местной общины на празднование «Инти Райми».

Этот красочный традиционный фестиваль приурочен к дню зимнего солнцестояния, которое происходит около двадцать четвертого июня. Праздник длится, целые девять дней и сопровождается церемониальными условными жертвоприношениями, народными танцами, песнями и обильными пиршествами. В Куско в эти дни приходят и приезжают жители со всех земель Тауантисуйу, а именно из Перу, Боливии и Эквадора. Также там бывает немало туристов практически со всех стран мира.

Древний город поразил мое сознание и за две недели я облазил его практически сверху донизу. Я посетил Морай-памятник инкской культуры, что находится недалеко от столицы Перу, а также видел геоглифы на склонах окружающих гор, созданные руками перанской армии. Я вдыхал древность храма солнца Кориكانча и обещал себе обязательно вернуться сюда когда-нибудь. В Куско путешествуя по местным шумным базарам и магазинчикам, я приобрел немало интересных сувениров, но особенно я был рад, когда купил инкскую трехступенчатую чакану (ритуальный крест) с изображениями змеи, пумы и кондора. Вот уже несколько лет как она занимает почетное место в моей комнате, наряду с другими занимательными сувенирами и безделушками, привезенными моими родителями из многочисленных экспедиций. После полной впечатлений поездки в Куско я твердо решил пойти по стопам матери и отчима и стать археологом. Поэтому, я и поступил год назад в Манчестерский университет, на факультет археологии и антропологии. Учеба мне нравится и мои предки тем более, с радостью поддерживали мой выбор.

Единственное в чем у меня назрели в последнее время разногласия с ними, а точнее с матерью, это мои музыкальные предпочтения. На дворе шел семьдесят шестой год: время расцвета альтернативной рок-музыки в Америки и Англии. Моя занятая мать кое-что слышала о панк-роке и «новой волне» и называет это «чумой для ушей». Поэтому день моего признания в любви группам Ramones, Stooges, Sex pistols и MC5 стал для нее началом моего нравственного падения. А революционные изменения в моем внешнем виде стали приводить ее к вспышкам кратковременного бешенства, сопровождаемые крепкими ругательствами на языке древних инков-кечуа. Отчим был более снисходителен к моим юношеским увлечениям и лишь слегка усмехался, когда слышал из открытых дверей моей спальни энергичный драйв «боевиков» Ramones: «I wanna sniff some glue», «Judy is a punk», «Beat on the brat». Семьдесят шестой год стал для меня годом длинных невымытых волос, драных джинсов, кожаных курток, мексиканских кед, и началом посещения местных, бирмингемских и лондонских рок-концертов и тусовок. В начале семьдесят шестого я открыл для себя ЛСД и марихуану, и знаете, был весьма счастлив этому факту! И если моя мать еще и не пронзила меня разноцветной стрелой из индейского лука, то только благодаря моей высокой успеваемости в университете.

4 июня и 20 июля я удачно посетил концерты, набирающих обороты «Sex pistols» и новой манчестерской панк – команды «Slaughter and the dogs» во Фри Трейд Холле.

А четвертого июля этого года случился один из самых заметных для меня, после давней поездки в Куско, дней: я побывал в Лондоне на живом выступлении «Ramones». Вернувшись в Манчестер, я загадал на каникулах, объединившись с друзьями, поехать в Нью-Йорк на Манхэттен и там посетить клуб CBGB. Один из моих лондонских знакомых очень лестно отзывался о молодой группе «Television» и его пылкие рецензии в адрес их первого сингла очень меня заинтересовали. Итак, панк и нью-вейф отныне рулят мной!

Первого августа, в день окончания 21-х Олимпийских игр в Монреале, мои предки отправились в очередную научную поездку на север Боливии, хотя с девятого июня там было очень неспокойно. В ответ на стихийные забастовки в горнорудных районах страны, президент Боливии Уго Бансер для подавления мятежа поднял на ноги правительственные войска. Перед отъездом, нагнав на себя серьезный вид, мать наказала мне – «Ама суа, ама льулье, ама келья», что на языке кечуа обозначает главные жизненные принципы – «Не воруй, не лги, не ленись».

На что я пожелал Пача-Маме и Инти (иногда я называл свою мать и отчима именами индейских главных богов) обязательно найти таинственный город инков Пайтити и привезти мне оттуда подарок в виде золотого изображения Виракочи. На том мы и расстались и обещали друг другу встретиться не ранее начала сентября в Лондоне.

В воскресенье восьмого августа, после телефонного разговора с матерью, я купил авиабилет компании Aurigny Air Services и с тяжелым сердцем, вылетел на злополучный остров Saligia, который последний раз посещал, когда мне было девять лет.

Что я помню о Saligia? Я помню скалистую бухту Лок и десятки малых лодок, прогулочных яхт и пароходиков в порту, песчаный белый пляж перед отелем моего отца и конечно же старую церковь Св. Иакова. У отца был свой двухэтажный роскошный дом на главной улице королевы Анны, в котором он и проживал до сего времени в покое и довольстве. Его отель приносил неплохой доход и учитывая, что отец не был обременен семейными и иными обязательствами, могу сказать, что он мог считать себя далеко не бедным человеком. Главным его увлечением после живописи был гольф и насколько мне известно, он был одним из почетных членов местного гольф-клуба. Также, насколько я помню, у него была небольшая яхта, на которой он любил выходить в открытое море на ловлю макрели, камбалы и устриц. В общем, жизнь у моего папашки протекала как в инкубаторном уголке земного Рая: тихо и без происшествий.

Еще из своей поездки десятилетней давности я помню, как дружил целое лето с десятилетней дочерью друга отца. Хотя в то время мы были маленькими, и теперь я думаю, она уже давно превратилась во взрослую симпатичную девушку. Как – то, наблюдая за нашей прогулкой по берегу моря, отец вслух заметил своему молчаливому другу:

– Дэвид, ты не думал о том, что когда-нибудь из моего парня и твоей малышки вышла бы отличная пара?

Я не помню, что ответил моему отцу его друг Дэвид, но точно помню, что я был тогда по-детски наивно влюблен в его единственную дочь. С тех пор я вырос и как всякий молодой парень влюблялся бесчисленное количество раз. Кто-то из девушек отвечал мне взаимностью, а кто-то из них лишь посмеивался над моей настойчивостью. Когда мне надоедало петь дифирамбы очередной смазливой пассии, я отправлялся с верными друзьями в злачные притоны и упивался страстью молоденьких мексиканских проституток. Общение с ними мне давалось легко, учитывая мое неплохое знание испанского. Иногда я их особенно удивлял какими-нибудь яркими возгласами на кечуа. В общем, я всегда любил привлекать к себе внимание. Это у меня от моего отчима Рэйли Стилса. Ну почему не он мой родной отец?

При мысли о больном отце мне вдруг стало досадно за свои эгоистичные мысли. Что не думай, но мой старик любит меня и то, что я его давно не видел и не слышал, это только моя вина. Я сам отдалил себя от него. Когда он звонил нам домой по телефону, я старался не отвечать на его звонки и поэтому все новости о своем отце я узнавал только от своей матери. Каждый год она настаивала, чтобы я съездил в гости к «зануде Дрю», так мать называла моего отца, но я всячески старался увильнуть от ее просьб, ссылаясь на загруженность учебой. Мой отчим, как и мать, не особо поощрял моей непонятной отчужденности по отношению к отцу, но никогда не давил на меня. Я и так прекрасно его понимал. У моего отчима Райли есть одна отличительная особенность: его выразительный взгляд. Взглядом он мог сказать о многом, но когда он молча укорял меня за несправедливость к отцу, я старался не смотреть ему в глаза.

И вот пришла плата за мои черствость и отчуждение. Мой родной отец Дрюон Стинсон лежит при смерти, а я еду, чтобы возможно, проводить его в последний путь! Признаюсь, пока летел в самолете, старался нагнать на себя стыд и раскаяние, но все как-то не получалось. Молодость-время жестоких. Все мои родственники пока были живы и здоровы, и я не мог до конца поверить в смерть. Пройдет совсем немного времени и наконец-то, я пойму как жестоко ошибался!

«Trislander (G-Goey)» мягко приземлился на посадочную полосу и прокатившись несколько сот метров по травяному покрову, остановился напротив небольшого здания аэропорта. Когда я спустился по трапу самолета, то увидел как по направлению ко мне, придерживая на бегу серую фетровую шляпу, семенит тучный человечек небольшого роста. Шумно дыша, он протянул мне мокрую мягкую ручку и вежливо представился:

– Помощник управляющего отелем «Golden beach» Яков Филлипсон. Рад нашей встрече сэр Стэнли. Хм, я... прав, Стэнли, сэр?

– Да, да, Стэнли, меня зовут Стэнли, – вяло пожал я руку помощнику отца.

– Позвольте мне вам помочь. Передайте мне, пожалуйста, ваш чемодан.

– Нет, что вы, что вы, я и сам справлюсь! – отрицательно помотал я головой и, переложив багаж в правую руку, направился за энергичным толстяком.

– Как долетели сэр Стэнли? – полуобернувшись ко мне, с вежливой улыбкой любопытствовал помощник управляющего.

– Нормально. Хотя если честно, я не очень хорошо переношу воздушные путешествия.

– Да, я вас очень понимаю. Я например, не очень люблю морские прогулки на катерах и яхтах. Укачивает, знаете ли, хм.

Мы пересекли летное поле и пройдя сквозь безлюдный прохладный холл местного аэропорта, вышли на автомобильную стоянку.

– На мой взгляд, сюда редко летают такие гости. Со мной к примеру летело пять напыщенных господ и по виду они совсем не местные. – Кивнул я головой в сторону усаживающихся в два автомобиля четырех солидных мужчин в черных костюмах.

– Да, пожалуй, вы правы, господа эти не совсем местные. Например, один из них сэр Ллойд Паркинсон владелец местного банка и он большую часть времени проводит в Лондоне, где у него во владении еще несколько банков и собственная биржа. – Пояснил мне помощник управляющего и учтиво распахнул передо мной двери новенького BMW E 21.

– А те господа, что с ним, как на счет них? – продолжал я машинально любопытствовать.

– Эти господа прилетают к нам на остров уже второй раз. Они из лондонской аудиторской независимой комиссии и приезжают по личному приглашению сэра Ллойда, – заводя машину, терпеливо ответил сэр Филлипсон. – Ну что, едем к вашему отцу, сэр Стэнли?

– Однозначно! Это единственная причина, по которой я к вам пожаловал.

От местного терминала до дома моего отца было не больше десяти минут. Пока сэр Яков вел машину и без умолку трещал, восхваляя местные природные красоты и преимущества местного курорта по сравнению с тем же курортом на острове Олдерни, я безучастно разглядывал пробегающий перед моими глазами зеленый ландшафт и с досадой размышлял о потерянном времени. То о чем рассказывал сейчас сэр Яков, мне было известно задолго до его появления здесь. Десять лет назад я протопал вдоль и поперек этот гранитный кусок суши, покрытый скудной растительностью и белым морским песком. Длина острова не превышала четырех километров, а ширина его была и того меньше: около двух с половиной километров. И только благодаря его неприступному скалистому берегу, остров был в относительной безопасности во время сильных штормов и приливов. Во время же длительного зимнего сезона штормов высадиться на остров не было практически никакой возможности, и в этот период местное морское судоходство снижало свою активность. Население острова составляло около двух тысяч человек. И все его жители проживали в единственном городке под названием святой Иаков, построенном в стиле позднего романтизма. Основными достопримечательностями города являются уже упомянутая мною церковь Св. Иакова и мощеные булыжником улицы. В городке есть начальная средняя школа, а также небольшое почтовое отделение, банки, гостиницы, несколько магазинов и даже рестораны. Основные разговорные языки на острове английский и французский, но некоторая часть жителей говорит и на старо-нормандском наречии. Это один из диалектов французского языка. Главная денежная единица местных

банков-английский фунт стерлингов, но на острове также выпускаются собственные монеты и марки.

Еще одной из особенностей Saligia является минимальное количество автомобильного транспорта и насколько мне известно на некоторых Нормандских островах существует запрет на его приобретение. Это естественным образом связано со скромными размерами островов и с желанием сохранить в первозданном виде местную флору и фауну. Поэтому здесь большой (или вынужденной) популярностью пользуется велосипедный транспорт. Также некоторые землевладельцы на Saligia, занимающиеся огородничеством и тепличным хозяйством, вынуждены покупать мини-трактора, но на их покупку, на острове запрета нет.

Климат на Saligia очень мягкий и здоровый и поэтому понятен интерес сотен туристов и отдыхающих, ежегодно посещающих шикарный отель моего отца. Многие из них бывали на острове многократно и это, конечно, благотворно отражается на экономическом благосостоянии коренных жителей крохотного острова. Основной приток приезжающих на отдых идет из Северной Франции и Южной Англии. Поэтому помимо основных ремесел, таких как рыболовство, лоцманский промысел, огородничество и цветоводство на острове не плохо развита система сервиса. Например, в обслуживании отеля моего отца участвуют не меньше ста человек, а это в процентном соотношении от общего числа населения Св. Иакова, я считаю не так уж мало.

...Дом своего отца, построенный в викторианском стиле, я узнал сразу. Он несколько не изменился со времени моего последнего здесь пребывания. Это было двухэтажное каменное строение с крышей, покрытой красной черепицей и торчащей кверху четырехугольной трубой дымохода. К дому примыкал вход с белой аркой в неоготическом стиле. Территория дома была огорожена низким кирпичным забором, унизанным по всей длине черными тонкими пиками, оплетенными стальными кельтскими узорами. Под окнами с белыми рамами похозяйски были разбиты аккуратные цветники с розами, хризантемами и георгинами. На заднем дворе, насколько мне не изменяла память, у отца был небольшой сад с беседкой и шезлонгом для отдыха. Таким по представлениям моего отца должно было выглядеть убежище одинокого холостяка: просто, неброско, с долей известного английского консервативного вкуса.

Попрощавшись со словоохотливым помощником отца, я вышел из машины и неуверенно подошел к массивным каменным воротам со стальной дверкой в виде огромной стальной черной розы. С любопытством заглянув во двор, я тщетно поискал взглядом свое десятилетнее отсутствие. Но к моей легкой досаде, ностальгия останется сегодня голодной: все признаки моего детства давно стерлись сорокоразовой сменой сезонов года. Немного помедлив, я оглянулся в сторону соседнего дома. Именно на его пороге десять лет назад я ждал каждое утро голубоглазую девочку по имени Элия. Мое сердце забилося чуть быстрее, а в сердце закралась приятная истома так хорошо знакомого мне чувства. Влажный воздух сгустился надо мной и в его очертаниях и тонком манящем аромате, я смог уловить на секунду скользкий призрак безвозвратно ушедшего счастья.

«Нужно обязательно навестить родителей Элии и что-нибудь узнать о ней. – Отметил я с теплотой в душе. – Они всегда были ко мне так добры, и думаю, на этот раз встретят меня не хуже. Или возможно мне повезет, и я встречу с ней лично, если конечно она не в Англии».

Взяв себя в руки, я отогнал от себя набегающую волну воспоминаний из далекого детства, и тяжело вздохнув, решительно толкнул ладонью стилизованную стальную дверку ворот. Войдя во дворик и пройдя по узкой каменной дорожке до дома, я позвонил в дверь.

«Совсем старик плох, даже открыть мне не может. А куда же подевалась его верная африканская горничная? Хм, она ведь шага от него не отходила»? – Подумал я с недоумением, продолжая жать на кнопку звонка.

Наконец дверь отворилась и на пороге возникла пышная фигура уже знакомой мне по детству пожилой горничной отца. Окинув меня с ног до головы равнодушным взглядом, она недовольно буркнула:

– Ну и кто вам нужен, молодой господин?

– Сара, неужели ты не узнаешь меня? Я сын сэра Стинсона, Стэнли! Ну, давай вспоминай, пудинг йоркширский, – скривился я в легкой усмешке, хитро посматривая на грузную чернокожую Сару.

– Ох, Стэнли, да неужели это ты?! Да, твой отец говорил мне, что сегодня должен был приехать его родной сын. Да, я это знаю, но я все никак не могу свыкнуться с мыслью, что наш маленький Стэнли уже большой мальчик. Прости, дорогой мой, выжившую из ума старую йоруба, прости. – всплеснув руками, Сара отошла в сторону, приглашая войти меня в дом.

– Ничего, ничего Сара, бывает. Я тоже очень рад тебя видеть, и скажу тебе честно, что в отличие от меня ты совсем не изменилась, – приветливо улыбнулся я расчувствовавшейся горничной. – Кстати, а где мой отец, Сара? Как он себя чувствует?

Сара внезапно потупилась и нехотя выдавила:

– Ваш отец еще всех нас переживет.

– Ты этому, не рада, что ли? – с подозрением посмотрел я на смущенную горничную.

– Вы знаете, как я отношусь к сэру Дрюону, молодой господин. Просто мне сегодня не очень нравится его сумасбродная посетительница.

– Что за посетительница, позволь узнать? – переобувая обувь, заинтересовано спросил я.

– Проходите в гостиную и сами все увидите. Прошу вас, сэр Стэнли, а я пока пойду, приготовлю что-нибудь вам покушать. – тяжело приваливаясь на левый бок, Сара удалилась на кухню, а я тем временем пошел здороваться со своим больным отцом.

Из-за закрытых дверей гостиной доносились звуки классической музыки. Звучала симфония № 40 Моцарта, часть первая *Molto Allegro* в сонатной форме исполнения. Я не особенный любитель классической музыки, но зато мой родной отец слыл ярим почитателем творчества Моцарта, Вагнера и Стравинского и поэтому, я прекрасно помню на слух многое из произведений этих «могучих перцев». Кроме звуков музыки из комнаты доносились громкие голоса. Точнее два голоса и их неровный тембр говорил о затянувшемся споре двух людей. Уверенный женский голос настаивал и напротив тихий мужской старался охладить яростный напор невидимой спорщицы. Я распахнул двери гостиной как раз в тот момент, когда только начала играть вторая часть симфонии № 40 *Andante*. Сразу же голоса в гостиной замолкли и на меня воззрился изумленно-восхищенный взгляд отца и заносчивый, непринужденный взгляд незнакомой мне дамы средних лет. Одеты они тоже были довольно контрастно в тон своего разговора. Худой нескладный отец, облаченный в синий расшитый цветами сакуры японский халат и в коричневых тапочках на босу ногу, смотрелся просто не уместно на фоне своей блистательной собеседницы. Она была облачена в модный брючный костюм от Сен-Лорана и красные туфли на высоком каблуке. Рыжие вьющиеся волосы на ее голове были аккуратно уложены под стильным шелковым платком, увенчанным «лисыими» летними очками. А хорошо знакомый мне тонкий запах духов Эрнесто Бо марки «Chanel 5» я уловил уже с самого порога.

– Стэнли, сын мой как я рад тебя видеть! – сделал отчаянную попытку привстать с мягкого кресла отец. Не могу сказать, что мой отец сильно изменился с момента нашей последней встречи, но изможденность длительной сердечной болезнью у него была на лицо.

Я бросился к отцу на встречу и приобняв его за плечи осторожно вернул в кресло.

– Не вставай отец, сиди. Тебе же нельзя, наверное, пока двигаться, или это не так? – с заботой в голосе произнес я.

– Так, так, молодой Стинсон. Твой отец на той неделе перенес самый настоящий инфаркт и этим заставил нас изрядно поволноваться. – осматривая меня все с тем же самодовольным видом, низким грудным голосом ответила гостья.

– Стэнли, сынок как ты сильно изменился. Ну что же ты так, неужели для того чтобы встретиться со мной тебе нужна такая веская причина? – растроганно пробормотал отец, роняя из глаз слезы.

«Да, все – таки время берет свое! Никогда не видел, чтобы отец так сентиментальничал передо мной», – отметил я про себя.

– Что ж давай знакомиться, юный Стинсон, меня зовут Агни де Бусьон. – протянула мне изящную узкую кисть, увенчанную алмазным перстнем, гордая дама.

– Стэнли. – Я слегка пожал холодные холеные пальцы Агни и пристально посмотрел в ее изумрудно-зеленые глаза. Они были холодны и безжизненны, как мне показалось тогда. Но как говорить, первое впечатление всегда обманчиво и как показало будущее я в самом деле заблуждался на счет ее жизнелюбия и теплоты характера.

– Да, да Стэнли познакомься с моей почетной гостьей из Парижа. Она очень известная в Европе художница и иногда приезжает ко мне в гости. – сверкая влажными глазами, отозвался из кресла отец.

– Ну уж не настолько известная как например, Сальвадор Дали. Так, удачно продала десяток-другой картин и, пользуясь поддержкой влиятельных друзей, провела несколько выставок в Париже и Лондоне, – с ложной скромностью опустила длинные черные ресницы зеленоглазая Агни.

– Ну не скромничай чертовка, скажешь мне тоже, несколько выставок! Ее гениальные произведения с успехом выставлялись в Берне, Лозанне, Вене, Сант-Галлене, Гейдельберге, Чикаго, Балтиморе и даже в Советской Москве, а это что-то да значит, сын мой! – Восторженно взмахнул кистями рук мой «больной» отец и неожиданно потянулся за открытой бутылкой шампанского, стоящей в ведре со льдом на низком журнальном столике с резными ножками из тика.

– Что-то я не понял, неужели у тебя не постельный режим? – удивленно проследив за тем, как отец наливает себе полный фужер розового брютта, с негодованием выпалил я.

– Не кипятись сын, самое тяжелое уже позади и теперь мне уже намного лучше. А один, другой глоток «Dom Perignon Prestige Cuvee» мне пойдет только на пользу, тем более есть повод. – оправдывая себя, пожал плечами отец.

– Ну да, ну да, красиво жить не запретишь. – понимающе покачал я головой и присел на широкий диван, напротив отца и Агни де Бусьон. – А что за повод для пьянки среди бела дня позвольте полюбопытствовать?

– Гениальная Агни воспроизвела на свет новый художественный шедевр, – с пафосом в голосе воскликнул отец и перевел восхищенный взор на свою давнюю знакомую. Кстати, я так пока и не понял, кем она ему являлась в настоящий момент! Ну, уж точно не больше чем любовница, любить такую даму, по – моему, было верхом безрассудства: от нее за версту разило развратом парижской богемой.

Прикурив от зажигалки тонкую сигарету «Vogue l'emotion», Агни недоуменно приподняла вверх тонко подведенную бровь.

– Ты так сейчас вульгарно сказал Дрюон, как будто бы я выродила еще одного теленка олдернейской породы! – слегка нетрезвым обиженным голосом протянула импозантная художница.

– Ну что ты такое говоришь, дорогая? Тебе просто так показалось...

– Как я посмотрю вам тут и без меня весело, – нервно побарабанил я кончиками пальцев по коленке.

– Сын не обижайся на своего старого больного отца. Неужели ты совсем не рад меня видеть? – отец снова попытался встать с кресла, но Агни быстро усадила его обратно.

– Рад, конечно, рад отец, просто я еще не совсем освоился. Ведь как-никак уже десять лет прошло с тех пор как я был здесь в последний раз, – мягко ответил я отцу, решив не отыг-

рываться на нем за свою несостоявшуюся поездку. В конце концов мне следовало бы радоваться, что он не при смерти и даже очень сносно себя чувствует.

– Стэнли, ты знаком с творчеством великого английского поэта-мистика Уильяма Блейка? – Агни грациозно поднялась с кресла и цокая каблуками по выложенному паркетной мозаикой полу, подошла к укрытому грубой холстиной полотну, стоящему на треножнике около камина.

– «Вместо душистых цветов, Мне предстали надгробья, ограды, и священники в черном, вязавшие терном Желанья мои и отрады»...

– Bravo, bravo молодой человек, вы я вижу помимо современной нигилистической культуры, знаете, что такое хороший вкус и тянетесь к прекрасному. – Слегка похлопала в ладоши Агни, удивленная моими познаниями и эрудицией.

– Это вовсе не моя заслуга: в отличие от моей матери, которая в основном помешана на культуре древних народов Америки, мой отчим Рэйли не забывает и о самой высокой культуре мира-о культуре Запада.

– Как я вижу, Джейн очень повезло с этим профессором Рэйли, – с еле скрываемой ревностью в голосе обронил отец.

– Ты все еще не можешь забыть свою первую жену, Дрюон? – ехидно сморщив нос, поддела Агни насупившегося отца.

– Вот еще, с чего ты так решила...

– Вы что-то хотели мне продемонстрировать, – вовремя пресек я начало занудной тирады своего меланхоличного отца.

– Да, – восторженно воскликнула Агни, – мы тут спорим о явных достоинствах и недостатках моей новой картины. Я написала ее под впечатлением от знаменитой картины Уильяма Блейка «The Ancient of Day» и назвала ее в свою очередь, «Замысел небесного Создателя». Твой отец – первый, кто увидел это полотно. Я начала писать картину здесь на Saligia почти две недели назад и ты теперь тоже можешь увидеть ее одним из первых. Мне было бы интересно послушать свежее мнение из уст представителя молодого поколения. Тем более ты хорошо знаком с творчеством великого поэта и художника.

Изящным движением руки Агни смахнула холстину с полотна и повернувшись ко мне спиной, отошла к приоткрытому окну. Приобняв себя за маленькие плечи, она казалось, полностью ушла в себя.

С чего эта эпатажная дама решила, что я смогу составить авторитетное мнение о ее мазне, я так и не понял. Но, все же я решил проявить учтивость и уважение к чужому труду, привитые мне моими родителями с детства. Обидеть художника легко, а вот понять его, дело не из легких. Век двадцатый-век экспериментов во всех областях науки и искусства. И пройдя через горнило двух страшных мировых войн, потрясенное человечество стало творить и создавать такие плоды творчества, что пытаться классифицировать многие из них здравым разумом, я считаю, по – крайней мере, потерей времени. Я всегда думал так: или тебе дано понять непонятное или отойди в сторону и не делай вид, что ты понимаешь. То, что я сейчас лицезрел перед собой намазанное или наляпанное на стандартном холсте, я не мог назвать шедевром. На моем месте здесь должен был стоять другой человек. С другим мировоззрением и полюсом в голове.

– Что это, извините? – нахмутив лоб, внимательно вглядывался я в картину написанную Агни.

– Это виженари-арт, дорогой. Неужели ты не знаком с искусством виженари-арт? – ледяным холодом пахнула рыжеволосая художница от окна.

– Я не особо увлекаюсь современными художественными течениями. Мне нравятся некоторые работы Иеронима Босха, Макса Эрнста, Альбрехта Дюрера и Сальвадора Дали, ну вот

картины того же Хуано Миро для меня уже слишком. Не судите меня строго, но я в самом деле не могу понять в чем здесь «фишка»?

В гостиной воцарилось тягостное молчание, нарушаемое только звуками симфонии Моцарта.

Наконец Агни отошла от окна и присев на корточки, задумчиво взяла в руки край упавшей грубой холстины.

– А ведь придет время и ты... ты, Стэнли, поймешь, что говорил когда-то Уильям Блейк о нашем едином небесном Творце: «Он единый Бог, и таков же я, и таков же ты».

– Агни, Стэнли, ...да что вы, в самом деле. Агни, Стэнли, вы, что это загрузили. Давайте опрокинем по фужеру шампанского за встречу и поговорим о чемнибудь более веселом. Агни, ну неужели ты не видишь, что мой сын только, что с самолета?! Я не видел его целые десять лет и вот смотри в кого он превратился: нацепил на себя кожаную куртку, драные джинсы и уже наверное, не посещал парикмахерскую по меньшей мере год. – Засуетился в кресле отец, пытаясь развеять минутное охлаждение между Агни и мной.

– В мире набирает обороты «ню вейф». Ты отчаянно отстал от жизни Дрюон Стинсон, – к моему облегчению вышла из оцепенения французская творческая дива.

– Что еще за «ню вейф»? Только Англия отошла от «битников» и «хиппи» и вот молодежь поразила новая чума: «ню вейф»! – Наполняя фужеры шипящим шампанским, наигранно закатил глаза кверху отец.

– Ты говоришь совсем как моя мать, – ткнул я в отца пальцем и громко засмеялся.

– Не обращай внимания на этого черного меланхолика, Стэнли. Если бы все думали как он, то мир бы уже давно погряз в болоте консерватизма, – принимая бокал из рук отца, ободриительно улыбнулась мне Агни.

– А если бы все делали как я, то мир превратился бы в один сплошной курортный остров, – удачно отбилась отец от легкой колкости Агни.

– Да неужели?! Кстати, Стэнли, завтра, обязательно навести меня в отеле твоего отца. Я покажу тебе, как изменился его внешний и внутренний облик после прошлогоднего ремонта. Кстати, я принимала участие в проектировании некоторых комнат и залов в отеле, – отпив маленький глоток из фужера, похвалилась довольно Агни.

– И была самым дотошным членом проектной комиссии, – благодарно склонил голову перед своей французской музой, сэр Дрюон Стинсон...

На другой день, встав около полудня, я отправился с отцом на экскурсию в его обновленный отель. Нас подвозил уже знакомый мне сэр Яков Филлипсон. Он был, как мне показалось, искренне рад видеть моего отца в хорошем здравии и бодрости духа. Минувя улицу Le Pelteval, сэр Яков сначала свернул на Route de Picaterre, а после направил автомобиль по Route de Crabby ведущую на восток в сторону порта. Минувя оживленный порт бухты Лок, мы медленно подъехали к парковочной стоянке у отеля.

Мадмуазель Агни де Бусьон встретила нас у парадного входа в отель. Она была одета в легкое платье в фольклорном стиле от Сандры Родес и выглядела такой бодрой и свежей, что я бы никогда не сказал, что не далее как вчера вечером эта женщина побила все рекорды по уничтожению шампанского. Вот она французская богемная закалка! Недаром говорят, что солдаты и художники пьют как лошади.

...Экскурсия по отелю продолжалась около двух часов и я, уже порядком притомившись от бесконечного жужжания Агни и поддакиваний помощника управляющего сэра Якова, желал только одного: скорее оказаться в ласковых объятиях Атлантического океана.

В час дня, к моему большому облегчению, наша познавательная экскурсия подошла к концу, и мы с Агни, сэром Яковом и отцом плавно переместились в ресторан отеля. Разморенный духотой роскошных апартаментов, я едва попробовал устрицы в нормандском соусе,

и вяло потягивая бокал белого «Shablis», с легким раздражением слушал шумную трескотню мадемуазель Агни. То и дело я с нескрываемым вожелением посматривал через распахнутое окно на бархатную плоть океана, втиснутую в каменное кольцо бухты. Он был так близок и так далек от меня. С каждой секундой я чувствовал, как все больше превращаюсь в погибающую донную рыбу, выброшенную волной на раскаленный песок. Мне нечем дышать и мои растопыренные красные жабры, скручиваются от жара небесного светила, ослепившего мои выпученные глаза. Разорвав распухший рот в немом крике, я бьюсь в последнем приступе смертельной агонии. ...

– Стэнли дорогой, надеюсь, тебе понравилась наша экскурсия, что скажешь? – услышал я далекий приглушенный голос неугомонной Агни.

– А, ...д-да, конечно, это, в самом деле, грандиозно! Вы поработали на славу, и если бы у меня было желание с пользой убить лишние фунты, то я обязательно посетил бы «Golden Beach», – выскальзывая из шкуры умирающей рыбы, с силой выдавил я из себя вежливость.

– Да, за последний год мы неплохо поработали и я вполне доволен результатами. На данный момент из шести островных отелей, наш самый популярный...

– Но и заметь самый дорогой, по сравнению с тем же «Harbour Lights Hotel», – осторожно добавила Агни.

– Да, это так, но и наш сервис на класс выше и ничем не уступает «Brae Beach Hotel» на Олдерни, – хвастливо оттопырил нижнюю губу отец, откидываясь на спинку стула.

– М-да, полностью с вами согласен сэр Стинсон, – подобострастно поддакнул помощник управляющего, промакивая широкий лысый лоб шелковым платком.

– Стэнли, сынок, ты что-то совсем сник. Кажется, я знаю, что тебя может сейчас оживить: сходи, развейся на пляж, искупайся! Ну, как ты? – отец заботливо посмотрел мне в глаза и ободряюще улыбнулся.

– Да, меня, в самом деле, что-то разморило. Да, я, пожалуй, оставлю вас ненадолго и схожу, искупаюсь, – едва сдерживая приступ радости, вскочил я с места и, стараясь соблюдать достоинство, отблагодарил всех присутствующих за приятное времяпровождение и быстро покинул ресторан.

Выйдя из дверей отеля, я почти бегом спустился к пляжу и, увязая в горячем белом песке, устремился к воде. Скинув на бегу легкие сандалии, шорты и ямайскую рубашу, я с наслаждением прыгнул в объятия пенистых волн. Тысячи приятных колючих иголок тут же пронзили мое тело с головы до пят, и я не в силах сдержать щенячьего восторга, завопил во все горло:

– Свобода, свобода, свобода!!!

Уверенными взмахами рук, разрезая взлохмаченную морскую гладь, я поплыл на восток. Отплыв от берега добрую сотню метров, я перевернулся на спину и, раскинув руки в стороны, встретился глазами с бездонной синевой неба. Мною вдруг овладело счастливое состояние безмятежности и искусственного небытия. Я превратился в маленькую инертную песчинку мировой Космогонии, подсоединенную к гигантской психоэнергетической цепи океана. Я с душевным трепетом и возбуждением чувствовал, как через меня проходят мощные информационные токи, пронизывающие бескрайнюю плоть Атлантической мокроты. Сейчас я был микромембраной водной макро Вселенной, через которую получал всю информацию, накопившуюся в ее глубинах за миллионы земных лет.

Очистившись от суетных мыслей и обрета относительный покой, я нехотя вернулся в собственную оболочку, покрытую гусиной кожей. Теперь я вполне был готов к принятию солнечных ванн.

Пляж в этот жаркий чудесный день на удивление был почти пуст. Лишь кое-где по берегу бежали с веселыми криками маленькие дети и загорали в разноцветных шезлонгах с десяток пожилых мужчин и женщин.

Подобрав с песка свою одежду, я медленно побрел вдоль кромки воды. За мной, слизывая темные следы с мокрого песка, ползли, в обрамлении белой пеной, синие языки. Я шел в сторону порта Лок. Постепенно песчаная полоса передо мной сузилась, и надо мной нависли пики потрескавшихся скал, на которых суетливо копошились колонии крикливых буревестников, тупиков и бакланов. Придерживаясь пальцами за жесткие каменные грани, я миновал последний отрезок пути и вышел к длинному пирсу, покрытому мощным деревянным настилом. Рядом были пришвартованы несколько небольших торговых паровозиков и целая флотилия прогулочных яхт и лодок. На шумном пирсе, громко обмениваясь шутливыми замечаниями и советами, загорелые портовые рабочие разгружали суда от объемистых ящиков и бочек. Среди них важно вышагивали brave моряки в белых штанах и рубашках, направляющиеся в сторону местного паба.

Поднявшись вверх по крутой лестнице, вырубленной в скале, я присел на ступеньку, решив немного перевести дух.

Отсюда мне открылась захватывающая дух панорама с видом на бухту Лок. Сверху она напоминала огромную овальную чашу с длинной ручкой, в виде далеко выдающегося в океан каменного мола откосного типа. Кипящая громада солнца, склонившись над мятежными прядями волн, заполнивших ковш бухты, норовила запустить свои острые щупальца в их бархатные локоны. Насмехаясь над коварством небесного светила, океан плевался в небо миллиардами мелких брызг, отражающихся в свете солнечных лучей сказочной палитрой красок.

– Красиво, не правда ли! – послышался за моей спиной хриплый голос, скованный легким немецким акцентом.

Я резко обернулся на голос и увидел стоящего за моей спиной мужчину средних лет в камуфлированных штанах, обрезанных ниже колена. Он был выбрит под «ноль», а в левом его ухе посверкивала массивная золотая серьга. Чешуя плотного бронзового загара, покрывавшая его стройное мускулистое тело, удачно маскировала европейское происхождение, и если бы незнакомец сейчас заговорил на языке кечуа, я бы без сомнения решил, что он чистокровный индеец из Южной Америки.

– Да, красиво, – прищутив левый глаз, с подозрением посмотрел я на «лысого» снизу вверх.

– Давай знакомиться. – дружелюбно улыбнулся мне незнакомец и протянул широкую ладонь.

– Меня зовут Стэнли, можно коротко Стэн. А как тебя зовут? – пожал я крепкую руку мужчины.

– Все зовут меня Тибетец. Можешь и ты меня так звать, Стэн. Разрешишь? – мой новый знакомый присел подле меня на ступеньку и, достав пачку «Marlboro Gold Tuch Fine», протянул ее мне.

– Нет, не курю, – отрицательно помотал я головой.

– Тогда я закурю с твоего позволения, – Тибетец закурил сигарету и обратился ко мне со следующим вопросом. – Говорят, что ты сын нашего хозяина, это так, Стэн?

– Хм, узнаю Saligia: здесь все про всех все знают! – удивленно цокнул я языком.

– Не все, почти все, Стэн, – выдыхая из легких ароматный дым, протянул Тибетец. – Так ты не ответил на мой вопрос: ты, правда, сын нашего хозяина?

– Да, я родной сын сэра Дрюона Стинсона. Приехал сюда ненадолго навестить его.

– Не знал, что у сэра Дрюона есть сын? – искоса глядя на меня, тихо обронил Тибетец.

– А ты давно знаешь моего отца? – раздраженно бросил я.

– Да, вот уже почти пять лет как я работаю на него. Я вожу на его яхте приезжих туристов и отдыхающих на морские прогулки и рыбную ловлю. Я штурман, но иногда подрабатываю лоцманом. Провожу грузовые суда по фарватеру, по местам представляющим опасность для судоходства.

– Ясно, и как тебе мой отец? – настороженно поинтересовался я.

– Мы большие друзья с твоим отцом и часто выезжаем вместе на рыбалку. Ты ведь знал, что он заядлый рыбак. Он много рассказывал мне о своей жизни, но вот только никогда не говорил мне, что у него есть взрослый сын, прости за подробности Стэн.

– Да, я не часто навещал отца и если честно, до сего дня не был здесь десять лет, – отведя глаза в сторону, смущенно выдавил я.

– Ну, это ваши внутрисемейные дела и меня это не должно касаться, – докурив сигарету, Тибетец поднялся со ступеньки и пристально посмотрел вдаль. – Пять лет живу здесь и никогда не устаю восторгаться красотой этой бухты. Может поэтому я здесь уже, столько времени?

– А почему тебя зовут Тибетец? – не утерпев, спросил я нового знакомого.

– Это не секрет и я обязательно отвечу тебе на этот вопрос, но только не сейчас, идет? Я предлагаю вот что, приходи сегодня в паб «Nuclear sub»: там сегодня собирается узкий круг моих друзей. Надеюсь, тебе будет приятно пообщаться с нами, и мы будем рады новому хорошему человеку. Как ты относишься к регги, Стэн? – выжидающе посмотрел Тибетец мне в глаза.

– Вообще – то я люблю панк и «нью вейф», но и регги сойдет. Почему бы нет, конечно, приду. – Снисходительно пожал я плечами, чувствуя, что если не соглашусь, то неизбежно обреку себя в этот вечер на скучное время провождение в стенах отцовского дома.

– Ну, вот и отлично, Стэн! Значит, забились до вечера, о'кей? – звонко хлопнул Тибетец в ладоши и разведя длинные руки в стороны попятился назад.

– О'кей! – соединив указательный и большой палец, я в ответ продемонстрировал магический знак согласия из международной азбуки жестов.

Вечером, одолжив у отца его автомобиль «BMW E 21», я отправился по приглашению Тибетца в портовый паб. Было где-то около семи и полуденная жара, сдобренная свежим юго-западным ветерком, уже порядком спала.

Когда я подъехал к автомобильной стоянке у паба, там было уже с десятков автомобилей. У главного входа в клубах табачного дыма толпились подвыпившие матросы и местные туристы. Протиснувшись сквозь галдящую биомассу разгоряченных тел, я зашел в просторное помещение паба, окутанное приглушенным светом. Паб был поделен на два одинаковых зала. В одном всю стену занимала дубовая барная стойка, заставленная разнообразными спиртными напитками и стеклянной посудой. Но основное его пространство занимали бильярдные столы и столы под пул и кикер. Здесь в основном отдыхали заядлые игроки в дартс и бильярд. Поислав взглядом своего нового знакомого, я подошел к барной стойке и обратился с вопросом к высокому усатому бармену лет пятидесяти:

– Добрый вечер. Извините, вы не подскажете мне, где я могу найти Тибетца? Он еще не приходил?

«Пабликэн» не переставая натирать пивной бокал белой салфеткой, молча, кивнул подбородком на дверь, ведущую в соседний зал, из которого доносились звуки «живой» музыки. Поблагодарив «разговорчивого» усача, я пересек пространство, заполненное сосредоточенными игроками и, вдохнув полную грудь воздуха, ввалился во второй зал. Мои уши тут же наполнились ритмами ямайского регги, а в нос ударили спертые запахи табака и пивных паров. За двумя рядами четырехместных столиков у противоположной от входной двери стены высилась небольшая овальная сцена. Ее занимала группа поющих и играющих чернокожих музыкантов в цветастых африканских нарядах. Перед самой сценой медленно раскачивались в такт ритмичной музыке несколько молодых парней и девушек. Большинство же из присутствующих в зале посетителей сидели за столами и совсем немногие из них проявляли интерес к громкой музыке. Громко чокаясь бокалами со спиртным и чадая сигаретным дымом, шумные компании дружно коротали приятный летний вечер.

За одним из столов я заметил Тибетца в обществе молодого крепкого парня и ярко накрашенной девушки с обесцвеченными волосами. Они о чем – то оживленно разговаривали и, смеясь, иногда поглядывали на сцену.

Увидев меня, Тибетец приветливо махнул мне рукой и, перекрикивая музыку, коротко рявкнул:

– Стэн иди к нам!

Не заставляя себя долго ждать, я сел на предложенный стул и громко представился:

– Меня зовут Стэн. А как вас зовут?

Молодой крепыш, сидящий около Тибетца, стянул с головы джинсовое кепи и, склонив выскобленный блестящий череп, глухо выдавил:

– «Панцер».

Я перевел взгляд на свою хорошенькую соседку. Облокотившись на ладонь, она с интересом осмотрела на меня и томно выдохнула:

– Я, Ева, Стэн.

– Ну вот, кажется, все формальности соблюдены. Теперь можно приступить к самой важной части нашей вечеринки, – с облегчением выдохнул Тибетец, и вожацки окинув густой ряд пивных бутылок, стоящих на столе, добавил. – Сегодня мы здесь не просто так Стэн: сегодня мы празднуем день рождения нашего дорого друга Маркуса.

А где сам виновник торжества? – недоуменно осмотрелся я по сторонам.

– Виновник торжества торжествует на сцене! Он в центре внимания, – и Тибетец, встав со стула, с уважением показал на поющего в микрофон чернокожего парня с гитарой «Gibson Les Paul» в руках. В его исполнении звучала знаменитая кавер-версия песни Боба Марли «No woman, no cry». Я слышал ее несколько раз по радио в семьдесят пятом в Лондоне.

– Давай «ска», Маркус – зараза! – неожиданно с силой грохнув кулаком по крышке стола, вызывая крикнул «Панцер».

– Заглохни «Панцер», тебя еще не спросили, что играть, а что нет! – Тибетец, обхватив друга за голову, с силой потер ему ладошкой лысую макушку.

– Отпусти Генри, отпусти, кому сказал! – словно молодой бычок, скрученный петлей лассо, забился «Панцер» в железных объятиях Тибетца.

– Ребята, может, хватит, а? Стэн, не обращая внимания на этих мужланов. Они находят любой повод, чтобы побравировать друг перед другом. – Коснувшись моей руки прохладными пальцами, улыбнулась мне Ева. Заглянув в ее густо подведенные тушью синие глаза, я отметил для себя, что если с нее смыть всю эту косметику, то она превратится в настоящую красавицу.

«Неужели она не видит, что краска ее только уродует»? – машинально подумал я и тут же отвел горящие глаза, опасаясь, что Ева сможет прочесть в них мои не приличные мысли.

Извинившись за несдержанность, Тибетец отпустил голову «Панцера» и стал быстро откупоривать бутылки со светлым элем.

– Бронзовый «Pale Ale» из Бертонса самый популярный у нас сорт эля. Он нередко согревает наши сердца и души в скучные вечера на Saligia и именно ему мы обязаны тем, что находимся сейчас все вместе за этим замечательным столом. А чем замечателен этот стол, спросишь ты меня Стэн? Да хотя бы тем, что именно за этим столом мы собрались все вместе ровно год назад, – чокаясь со всеми бутылкой со светлым элем, с пафосом в голосе рассказывал мне историю своей компании Тибетец. – И с тех самых пор это место стало нашим rub-a-dub-dub.

– Мне нравится. В Манчестере, где я живу, у меня с друзьями тоже есть такое место. Мы тусуемся во Фри Трэйд Холле, где слушаем местные панк и «нюу вейф» команды. Но из-за плотного графика учебы у меня не всегда получается там бывать, – отхлебывая терпко-горьковатый эль, сказал я.

– О, тебе нравится английская панк-волна, Стэн?! – вдруг встрепенулась Ева и вплотную придвинулась ко мне.

– Да и не только, например, позавчера я собирался в Нью-Йорк, чтобы живьем увидеть Television, но из-за роковых обстоятельств моя поездка временно обломилась, – улыбнулся я Еве, почувствовав, как она вдруг стала симпатизировать мне.

– Все что не делается Стэн, все делается к лучшему и если бы не эти роковые обстоятельства, то ты бы никогда не познакомился с такими хорошими людьми как мы. – перегнувшись через стол,дохнул на меня Тибетец свежими пивными парами.

– Да, да, так и есть. В самом деле, тогда я бы точно не сидел сегодня здесь! – рассмеялся я и звонко чокнулся бутылкой с Тибетцем.

– А так бы ты сидел с какими-нибудь молодыми «янки» и бухал их «Budweiser», под звуки местного панк-рока, – отозвался со своего места «Панцер», переворачивая кепи козырьком назад.

– Да, Тибетец, ты обещал мне рассказать, почему тебя так странно зовут, – решил перевести я разговор в новое русло.

– Ну почему странно, просто я люблю Тибет и все что с ним связано, – пожал плечами Тибетец.

– И все же, можно поподробнее. Я люблю узнавать новое и хорошо забытое старое. Это у меня профессиональное, – выжидающе посмотрел я на Тибетца.

– Не прокурор ли ты часом, парень? – напрягся вдруг «Панцер» и с недоверием посмотрел на меня.

– Нет, какой я прокурор, я всего лишь учусь на археолога, ха-ха! – успокоил я «Панцера».

– Мой покойный батюшка был немецким офицером и состоял на службе в СС. Слышал ли ты когда-нибудь об исследовательском обществе СС «Аненербе»? Так вот мой отец занимал одно время важный пост в Исследовательском отделе Центральной Азии и экспедиций и отвечал за информацию по Тибету и Индии. Он был лично знаком со знаменитыми исследователями Тибета Эрнстом Шефером, Бруном Бегером и входил в узкий круг доверенных лиц Гимmlера и Адольфа Гитлера. Круто? Еще бы! Я родился в сорок третьем в Берлине и естественно был слишком мал, чтобы помнить своего отца. Он погиб через год после моего рождения в Восточной Пруссии девятого апреля. Намного позже я узнал, что он был одним из последних защитников крепости Der Dona в Кенигсберге, – Тибетец вдруг замолчал и тяжело вздохнув, склонил вниз голову.

– Вы часом не нацисты ли, мужчины? – Нахмурился я, вспомнив прошлогоднюю кровавую стычку с местными «скинами» в Бирмингеме.

– Я человек терпимый в расовом отношении и не приемлю чрезмерной агрессии, не смотря на то, что в шестидесятых служил два года в западногерманском «Bundeswehr» в военно-морских силах. А что касается этого лысого «кокни» из Лондона, то он просто помещан на своем кумире Курте Мейере, командире дивизии «Gitlerjugend». И ты сам понимаешь, что ничего хорошего ждать не приходится от парня, наизусть знающего все немецкие военные марши.

– Ладно, ладно ты, Тибетец. Зачем пугаешь новенького всякой словесной ерундой. Не верь ему Стэн, я совсем не такой как он говорит. Если бы я был реальным нацистом, то никогда бы не дружил с Маркусом, – толкая Тибетца в плечо, стал оправдываться «Панцер».

– Шучу, шучу, не толкайся! – отбиваясь от кулаков друга, заржал как конь Тибетец.

– Итак, узнав про биографию своего отца, ты решил всерьез продолжить его дело, я правильно понял? – терпеливо подождав пока успокоится «Панцер», задал я очередной вопрос Тибетцу.

– Не совсем так. Во-первых, я в отличие от отца не состоял в СС, а во-вторых, никогда не был на Тибете. Просто мне близок по духу буддизм, и я стараюсь поступать в своей жизни так, как поступил бы на моем месте просветленный бодхисатва из Тибета.

– Я встречал разных религиозных типов, но они, как правило, нудные и скучные. Но ты как я вижу, не такой и мне интересно слушать тебя.

– Сам не люблю всех этих доморощенных фанатиков, думающих только о собственной наживе, но никак не о душе человеческой, – скрипнул зубами Тибетец.

– Ты говорил, что живешь на острове уже пять лет, а как насчет «Панцера» и Евы? – повернулся я к скупающей девушке.

Та, смахнув с себя легкое оцепенение, мягко улыбнулась мне и не спеша заговорила:

– Я местная. Мои родители родом из Северной Ирландии, но они переехали на остров, когда меня еще и в проекте не было. В восемнадцать лет я уехала в Бирмингем и поступила в университет Астон на факультет международных отношений и политологии. Учусь там уже два года, но мне не очень нравится. Скукотища там страшная. Столько разных «рыцарей печального образа» и нелепых персонажей вокруг, что иногда хочется все бросить и уехать, куда глаза глядят. Вот приехала отдохнуть от учебы, чтобы повидать своих родителей и друзей непутевых.

– Глядя сейчас на тебя, я никогда бы не подумал, что ты учишься в таком крутом университете. – Обводя взглядом стройную фигурку девушки, заметил я. Ева была «прикинута» в ирландский клетчатый килт со спорраном, английские армейские ботинки, приталенную «косуху» на молнии и в белую майку с очень жизнерадостной надписью «Dead».

– Ха-ха, ты это точно заметил Стэн. На учебе я стараюсь быть хорошей девочкой и наши университетские профессора во мне души не чают, а вот когда я принимаю участие в городских роковых тусовках, то тут уж держись! – глаза у Евы разгорелись как у игривого котенка и она, клацнув белыми зубками на «Панцера», коротко рыкнула.

– Она у нас бешеная Стэн: если переберет эля, то начинает смеяться и танцевать до тех пор, пока не упадет, – показав розовый язык Еве, брякнул «Панцер». – А если курнет «травки» то тогда вообще полный аврал!

– Кстати, Стэн, если какнибудь надумаешь посетить Бирмингем, то милости просим. Я тебе напишу свой телефон: созвонимся, словимся и оттопыримся по полной, можешь мне верить, – взяв меня за руку, предложила Ева.

– Меня долго спрашивать не нужно. Тем более я уже был в Бирмингеме и не раз. У меня там есть хорошие знакомые в местной рок-тусовке.

– Тогда какие могут быть вопросы: добро пожаловать на Родину великих «Black Sabbath»! – протянула мне девушка открытую ладонь.

– Заметано Ева, – согласно кивнул я головой и накрыл своей ладонью ее маленькие розовые пальцы.

– Ну а как на счет тебя «Панцер»? Остался только ты, расскажи, если хочешь, откуда ты, – обратился я к хмелеющему парню.

– Да, что особо рассказывать. Я из Лондона из семьи рабочих. Учебу бросил рано и сразу пошел работать в лондонский порт. Особых увлечений у меня никогда не было. Так, кроме работы, тусовался со своими одноклассниками. Играли в футбол, дрались с «узкоглазыми» и арабами, терпеть их не могу. Естественно квасили немилосердно в местных пабах с девками легкого поведения. Кстати, я большой фанат стретфордских «Манчестер Юнайтед». Болел как-то за них на одном из матчей в семьдесят пятом. Они как раз тогда по итогам сезона 74/75 в Первой дивизион вернулись. Помню, побили мы там одну борзую братву, так мне в той драке передний зуб один сучонок выставил. – «Панцер» наглядно продемонстрировал всем новый зуб, отсвечивающий стальным блеском. – Вот, пришлось новый вставлять. Здесь я уже год. Работаю грузчиком в порту. Мне нравится: красиво здесь, воздух, пляж. Да и самое главное, «узкоглазых» и арабов почти нет. Одним словом культура! Думаю, если бы я остался в Лондоне, то меня бы уже давно посадили или прирезали враги.

– У тебя так много врагов «Панцер»?

– Да есть немного, хе-хе. – «Панцер» извлек из кармана джинсов пачку «Dunhill Fine Cut blue» и закурил, – советовался тут на днях с Тибетцем: может мне пойти в армию? К примеру, в САС, а почему бы и нет? Там нужны такие крутые парни как я. Как ты думаешь, а, Стэн?

– Решай сам, я тебе не советчик. Хотя, я тоже слышал, что САС это круто. ... «Панцер», могу я тебя попросить не дышать на меня. Извини, просто не выношу запаха табака, – отгоняя от себя клубы сигаретного дыма, поморщился я.

– А как насчет «волшебного дымка», а чувак?! – раздался над моим ухом смешливый высокий голос.

Я обернулся и увидел долговязого чернокожего парня с густой копной афрокос на голове. Его смеющиеся слегка на выкате глаза бесцеремонно заглядывали прямо мне в душу. В это мгновение у меня появилось такое ощущение, как будто кто-то шумный и непоседливый забрался ко мне внутрь и громким голосом пытается меня разбудить. Я сразу понял, что этот странный парень далеко не такой как все. От него веяло такой чистой энергией и не лицемерной доброжелательностью, что я сразу же проникся к нему симпатией.

– Я Маркус, а ты, наверное, Стэн, я угадал, чувак? – по-дружески хлопнул меня по плечу Маркус и, подтянув стул от соседнего стола, шумно плюхнулся в него. – Так, народ, я сегодня спел все, что хотел. Пора и честь знать!

В «Nuclear sub» мы пробыли до самого закрытия, а после Маркус предложил нам прогуляться до заброшенного бенедиктинского монастыря и покурить там «забойного волшебного дымка» для крепкого сна. Оказаться на чистом воздухе после душного помещения паба, для меня показалось верхом блаженства. На улице уже вечерело и на лазурном покрывале неба выступили первые точки далеких звезд. Багровый диск солнца, достойно выдержав суточное искушение манящей прохладой океана, теперь медленно погружался своими округлыми боками в темнеющую бездну. Там в глубине небесное светило найдет уютную колыбель и, забывшись глубоким сном, будет нежиться в ней до самого утра.

Останки древнего монастыря мирно покоились на вершине одной из скал, опоясывающих бухту. Ориентиром для нас был каменный мол, начинающийся от основания самой высокой скалы, и заканчивающийся полутораметровым возвышением, увенчанным сверкающим сигнальным огнем, что служил ориентиром для кораблей. Поднявшись вверх по старой каменной лестнице, мы очутились на широкой прямоугольной площадке, поросшей редкой травой и кустарником. Две трети ее занимали руины монастыря, спрятанные за полуразрушенной кладкой забора.

– Мрачноватое место! Никогда здесь раньше не был, если честно, – слегка присвистнул я, опасливо разглядывая бесформенную тушу монастыря, зловещей тенью возвышающуюся над нами.

– Совершенно согласна с тобой Стэн: место и вправду немного brutальное, – взяв меня под локоть, дрожащим голосом прошептала Ева.

– А мне здесь нравится. Не знаю почему, но мне это место напоминает мой родной кингстонский район Тренчтаун. Там тоже всяких развалин хватает, – с ностальгией в голосе, выдохнул Маркус и извлек из кармана тугой целлофановый пакет.

– Ты с самой Ямайки Маркус? – обратив внимание на объем пакета, спросил я.

– Да чувак! Я родился на Ямайке в Кингстоне. Именно в том районе, где родился и великий Боб Марли и я этим очень горжусь, в натуре, – с гордостью посмотрев на меня, ответил Маркус.

– Короче, мы зачем сюда приперлись: чтобы вспоминать о твоём вонючем Дрочтауне или курить «дурь»? – Нетерпеливо посапывая, рыкнул на Маркуса «Панцер».

– Обожди немного старичок. Скоро, уже скоро начнется наше долгожданное путешествие в страну бога Джа, – ободряюще засмеялся Маркус. – Кто что предпочитает, чуваки и чувихи: есть первоклассный «шарас» и улетный «киф».

– Конечно «шарас», не трави ты нам душу, панджаби! – воскликнул Тибетец, обнимая за плечи Маркуса и «Панцера». – Ты как, Стэн, с нами?

– Еще бы, куда я от вас, – положительно кивнул я головой.

– Ты как, Ева, будешь? – Тибетец перевел взгляд на девушку.

– А ты еще сомневаешься, Тибетец? – притворно обиженным голосом, отозвалась Ева.

– Тогда поехали ребята! Держитесь крепче на поворотах! – Маркус передал каждому по туго набитой папиросе и первым «взорвал» свою «торпеду». Все остальные тут же последовали его примеру.

– А-а-а, хорошо-о-о, продрало до самой задницы! – с наслаждением выдохнул ароматный дым музыкант. – Чуваки, а вы знаете, что мы курим?

– Знаем, самую классную «дурь» на свете: бханг, в натуре! – чертыхаясь в складках «волшебного» тумана, прогудел «Панцер».

– Ни фига вы не знаете! Вчера с Луны на Землю вернулся советский космический спутник «Луна 24». Но вернулся он не пустой. ...Провел Маркус пальцем по звездному небу.

– Ну и что за подарок привез этот спутник «советам» с Луны, уж не розового ли Лунтика? – пьяно хохотнул «Панцер», сильно шатаясь на ногах.

– Не угадал, чувачок. Он привез с Луны пробы грунта, взятые с глубины двух метров, так-то, – понизив голос до шепота, ответил Маркус.

Я сразу «прорубил» что будет какой-то приколы и потому, заранее придерживая ладонью живот, приготовился к веселому сумасшествию.

– А причем здесь «дурь» которую мы курим, старик? – делая глубокую затяжку, просипел Тибетец.

– А притом, что на глубине двух метров местный абориген Лунтик припрятал серебристый пакетик, набитый классным лунным Cannabis. Но ему не суждено было его покурить, потому что его выкопал советский луноход и привез на Землю, – продолжал рассказывать Маркус медленным голосом.

– Так ты что, спер что ли его у самих «советов»? – ошарашенно произнес «Панцер» и, не удержавшись на ватных ногах, бухнулся спиной на землю.

– Какой ты догадливый «Панцер»! Да, именно эту траву мы сейчас и курим чуваки. Это самый настоящий лунный Cannabis! – торжественно возвестил Маркус, воздев руки к небу. – О великий бог Джа, я уже на пути к тебе.

– Спасибо тебе Лунтик! – отозвался снизу «обдолбленный» «Панцер».

– Большое спасибо тебе Лунтик! – задыхаясь от приступов гомерического смеха, наперебой закричали мы с Евой.

Тибетец же, не особо проникшись шуткой Маркуса, сел на край каменной площадки и о чем-то глубоко задумался. Отойдя немного от смеха я, шатаясь, подошел к Тибетцу и сел рядом.

– Ты что грузишься Тибетец? Тебя хоть немного вставило? – толкнув его плечом, осторожно спросил я.

– Да, Стэн, так вставило, что я неожиданно почувствовал себя птицей, – сосредоточенно глядя вниз на сверкающий сотнями огней, порт, отозвался Тибетец.

– Маркус тоже сейчас куда-то летит. К какому-то богу Джа или что-то типа этого, – оглядываясь, я с глуповатой улыбкой на лице наблюдал за танцующим по площадке ямайским rude boy. Ева, также пребывающая в глубоком трансе, пыталась подражать бессистемным движениям Маркуса. Она громко смеялась, и казалось, была очень счастлива.

– Эфиопский бог Джа это прототип христианского Иисуса Христа. Ямайцы верят, что когда они искупят все свои грехи перед ним, он вернется за ними и уведет их из современного Вавилона в Рай. А земной Рай по их представлениям находится именно в Эфиопии. – Прочитал мне короткую лекцию о боге Маркуса, Тибетец.

– Не знал, что Иисус был чернокожим? – с легкой иронией в голосе, заметил я.

– Да ну их всех на фиг! Каждая жаба хвалит свое болото. Бог один для всех на Земле. И нет никакой разницы: черный ты или белый. – Фыркнул Тибетец, зябко поводя широкими плечами.

– Хотел тебя спросить Тибетец...

– А ты любопытный Стэн! – сверкнув глазами, усмехнулся Тибетец. – Я редко откровенничаю с малознакомыми людьми, но ты мне нравишься, Стэн. Так уж и быть, валяй, спрашивай, я сегодня добрый.

– Спасибо за доверие. ... Сегодня в обед я заметил на твоей руке странную татуировку. Она что-то означает?

– Хм, хороший вопрос! Это главная мантра Ченрази «Слава драгоценности лотоса». Она гласит: Ом Мани Падме Хум.

– И кто такой этот Ченрази?

– Авалокитешвара-великий и сострадательный Повелитель, зрящий зоркими глазами, – ровным бесстрастным голосом произнес Тибетец.

– Круто, а что значит эта главная мантра? – не унимался я.

– Смысл ее настолько глубок и столько в ней заложено мудрости, что мне не хватит и часа, чтобы подробно рассказать о ней. Скажу лишь одно: на Тибете верят, что каждому человеку при жизни просто необходимо знать ее, чтобы не заблудиться в Бардо. Постоянное повторение этой мантры как при жизни, так и после смерти способствует завершению круга смертей и рождений и открывает путь в Нирвану. Так что если после смерти я ненароком попаду в Ад, то повторив эту мудрую мантру я, возможно, спасу свою душу. А если я вдруг позабуду ее, испугавшись видений и мук Ада, то моя заветная татуировка всегда напомнит мне о ней.

– Здорово, получается так, что простому человеку достаточно всего лишь запомнить эту мантру и после не париться мыслями о наказании за грехи на том свете, я прав? – удивленно спросил я Тибетца.

– Не совсем так: все зависит от того насколько чиста твоя карма. Самый наш главный судья это наша собственная совесть. Чем больше мы порождаем грязи в мире, тем страшнее нас ждет наказание за наши поступки. По моему собственному мнению, эта мантра помогает праведному не отчаиваться в трудную минуту. Она питает его душу священной силой, заложенной в ее коротком содержании.

– Странно: Маркус верит в бога Джа, ты считаешь Авалокитешвару, а мои предки полагаются на мудрость древних легенд южноамериканских инков. Они верят в то, что мир создал небесный Творец Виракоча (Великолепное (сияющее) основание и Бездна-Хранилище всех вещей).

– Упомянув три имени главных богов трех великих цивилизаций, ты упомянул единого небесного Творца. Просто, все называют его по – разному, но имеют в виду одно и то же. Ты понял Стэн?

– Конечно, понял!

– Ребята, а о чем это вы тут разговариваете? Можно мне к вам? – на мои плечи легли мягкие ладони Евы.

– Конечно, детка, присоединяйся. Что там с нашим Маркусом? – Тибетец нехотя встал на ноги и, кряхтя, потянулся.

– Маркус общается с богом Джа, а тот ему диктует новую музыку и тексты песен, – смеясь, показала Ева на сидящего на камне Маркуса. Он медленно раскачивался в такт, одному ему доступной космической музыке и что-то бессвязно бормотал.

– М-да, привалила парня лунная «пыль», – задумчиво протянул Тибетец и взглянул на часы. – Мне пора домой. Завтра я выхожу в море: какой-то толстосум захотел насладиться местной рыбалкой. Так что мне осталось спать не больше пяти часов. Вы как, со мной?

– Забирай «Панцера» и Маркуса, а мы следом, – кивнула Ева на лежащее неподвижно на земле, тело молодого английского «кокни».

– О'кей! Эй, брат, просыпайся, вставай, уже утро! – Тибетец толкнул ногой в бок спящего «Панцера» и направился к скрюченному на камне Маркусу. – Эй, чувак, попрощайся скорее со своим другом Джа, и пойдем домой.

– Не трогай Джа, чувачок. Это моя надежда на лучшие времена. Это все что у меня есть, Тибетец. – Вяло ворочая языком, не сразу ответил Маркус. Но, все же послушавшись Тибетца, он встал с камня и, заплетаясь непослушными ногами, последовал за ним. За Тибетцем и Маркусом по-солдатски задирая ноги в ботинках, протопал пришедший в себя «Панцер».

– Эй, Стэн, Ева пойдемте домой, а то глядите, ненароком заберут вас призраки мертвых, живущие в чертовом монастыре. – Остановившись около нас, предостерегающе погрозил нам пальцем «Панцер».

– Идем, идем «Панцер»! – обнимая меня рукой за талию, отозвалась Ева.

Сквозь куртку я почувствовал, как бьется сердце в груди Евы. Возбужденный ее близостью и доступностью, я почувствовал приятное головокружение.

– С тобой все в порядке, Стэн? – Ева положила мне голову на плечо и взяла за левую руку.

– Все хорошо, Ева, – провожая взглядом исчезающих в темноте парней, мягко ответил я.

– Ты какой-то напряженный! – игриво хохотнула Ева и потерлась носом о мою щеку.

– Да нет, с чего ты так решила? – смущенно ответил я Еве, чувствуя, как с каждой секундой растет во мне волна желания.

– Ева, скажи, о каких таких призраках сейчас говорил «Панцер»? – задал я Еве неожиданный вопрос.

Отстранившись в сторону, Ева внимательно посмотрела на меня и вдруг громко засмеялась:

– Ты что дурашка, боишься призраков?

– А ты нет? – обижено надулся я.

– Ладно, не обижайся на меня, красавчик. Говорят, что во время войны в этом монастыре была немецкая диверсионная школа. В сорок пятом году здесь высадился английский десант и уничтожил всех диверсантов. Все бы ничего, ведь тогда во всем мире шла страшная война, но спустя два года, после того как на остров стали приезжать новые поселенцы, здесь начались странные вещи. – Ева встала и медленно зашагала по направлению к освещенному серебряным светом Луны заброшенному, монастырю. Я словно замороженный, тихо последовал за ней.

– Что именно за странные вещи? – заинтригованно обронил я.

– По ночам жители нашего городка якобы видели здесь яркий свет. Некоторые считали, что там все еще скрывались не добитые диверсанты из уничтоженной школы. По просьбе генерал-губернатора и жителей святого Иакова, монастырь не раз проверяла полиция, приезжавшая с Олдерни. Но она так никого и не обнаружила в руинах монастыря. Но и это еще не все. Кто-то однажды заметил, что на руины избегают садиться птицы и как огня боятся собаки, – продолжая двигаться к монастырю, зловещим голосом вещала Ева.

– Откуда здесь могли появиться собаки, здесь же высоко? – не поверил я.

– Туристы иногда приходят сюда со своими четвероногими друзьями. Некоторые психи специально водят их сюда, чтобы убедиться в том, что это правда.

– А внутрь ктонибудь из них заходил?

– Ты что! Местные за милую обходят это место, а заезжие туристы крайне хлипкий и пугливый народ, чтобы так рисковать. – Пренебрежительно бросила Ева.

– Ну, вы же ходите сюда, и как я уже понял, это одно из ваших любимых мест отдыха!

– Мы, Стэн, не такие как все и нас местным фольклором не испугаешь, – Ева присела на корточки, и взяв в руки гранитный камешек, с размаху швырнула его в полуразрушенную стену, опоясывающую монастырь.

Камень с глухим стуком ударился о кладку и, отскочив, упал в кусты. Через секунду до моего слуха донеслось странное шипение и мне показалось, что через кусты метнулась какая-то тень.

– Что это? – С ледяной дрожью в голосе, вскрикнула Ева и бросилась мне на грудь. Я вытащил из кармана джинсов зажигалку «Zipro» и, чиркнув кремнем, вытянул вперед напряженную руку.

Тьма, отброшенная ярким языком пламени, сгрудилась за освещенным кругом. В середине круга, подслеповато щуря глаза, на нас смотрел крупный белый еж. Недовольно сопя, он поводит по воздуху мокрым носом, и громко чихнув, быстро исчез из поля зрения.

– Ой, Стэн, ты знаешь, я так испугалась, – дрожа всем телом, прошептала Ева и преданно посмотрела мне в глаза.

– Не бойся, это был всего лишь безобидный белый еж. Видишь, как быстро мы разгадали тайну монастырских призраков. Оказывается, роль призрака все это время исполнял ворчливый белый еж, – мягко глядя Еву по волосам, произнес я спокойным голосом. Меня неудержимо влекло к ней и все, что я видел это только манящий взгляд ее сверкающих серебром глаз.

– Поцелуй меня Стэн! – распахнув влажные раковины пунцовых губ, страстно выдохнула Ева и крепко прижалась ко мне всем телом. ...

В город мы вернулись, когда на востоке уже начинала алеть заря. Расставшись с Евой на Church street, я оставил автомобиль на ближайшей стоянке и, добравшись до дома отца, как подкошенный рухнул в постель. Проспав до одиннадцати часов, я еще немного повалялся в кровати с открытыми глазами, пока меня не пригласила к обеду Сара.

Наскоро приняв душ и одевшись в легкие черные брюки и шелковую рубашку, я спустился на первый этаж в столовую. Там за накрытым столом уже сидел отец и его ненаглядная муза Агни де Бусьон. Они радостно поприветствовали меня, приглашая, присоединится к lunch. На обед Сара подавала суп с трюфелями, ростбиф традиционный с йоркширским пудингом и жареным картофелем и на десерт вареный пудинг с изюмом «пятнистая собака».

Без особых церемоний я сел за стол и с большим аппетитом принялся за еду.

– Как вкусно! Мне кажется, что я никогда не пробовал такого вкусного мяса, – уплетая за обе щеки жареную мраморную говядину, пробубнил я.

– Да, Сара настоящий ас своего дела. Не смотря на то, что Сара йоруба по происхождению, готовит она не хуже лучших английских шеф-поваров, – с удовольствием наблюдая за моей трапезой, хвастливо заявил отец.

– Я присоединяюсь, дорогой Дрюон, к твоему восхищению кулинарными талантами Сары. Поистине она готовит не хуже моего знаменитого соотечественника гениального шеф-повара и ресторатора Поля Бокюза. Мне в прошлом году посчастливилось принять участие в торжественном президентском приеме в Елисейском дворце, по случаю награждения великого Поля Бокюза орденом Почетного легиона. После приема состоялся грандиозный обед, на котором, между прочим, подавали суп из трюфелей, приготовленный самим Бокюзом. Блюдо получило название V.G.E – в честь, участвовавшего на приеме, президента Франции Валери Жискар д'Эстены. Я тоже удостоилась чести попробовать его и с этих пор являюсь одной из горячих почитательниц кулинарных талантов великого мастера.

А этой весной в Вене, я посетила старейший ресторан-трактир «Griechenbeisl» на Fleischmarkt-11, где мне довелось попробовать восхитительный ростбиф с луком по-швабски. Австрийцы называют его цвибельростбротен и, как правило, подают к воскресным обедам. – Запивая мясо красным «Grand Vin de Chateau Labour» урожая 1961 года, присоединилась к нашему разговору Ева. – Кстати, сэр Дрюон, как вам мой любимый сорт вина из Бордо.

– О, дорогая ты меня балуешь! В прошлый раз ты привозила из Франции восхитительное розовое вино «Cabernet d'Anjou» из отборных луарских сортов винограда, а в этот раз не устала меня удивлять лучшими винами из Бордо. – Любуясь рубиновым цветом напитка, восхищенно воскликнул отец.

– Я уже говорила тебе однажды Дрюон, что хочу приобрести себе винодельческое хозяйство, гденибудь между Серраном и Вуврэ и я это сделаю. Да, я знаю, что это обойдется мне в довольно кругленькую сумму, но зато на старости, я точно знаю, что не умру от меланхолии и нужды, – с надеждой во взгляде посмотрела французская дива на отца.

– Кажется, я догадываюсь, о чем ты, Агни. Намекая на мои древние французские корни, ты предлагаешь мне стать твоим компаньоном на ближайшие сто лет, я правильно тебя понял, дорогая? – заметно волнуясь, ответил мой отец.

– Ты правильно понял меня дорогой, – слегка улыбнулась Агни.

– Хорошее предложение и мы еще вернемся к нему, моя дорогая муза, – обдав Агни пламенным взглядом, засмеялся отец и вдруг обратился ко мне. – Да, сынок, ты не хочешь поделиться с нами впечатлениями от вчерашней прогулки? Нам было бы интересно послушать тебя.

– Почему бы и нет. – оторвавшись от тарелки с едой, сказал я отцу. – Вчера я немного посидел в местном пабе и там познакомился с девушкой.

– С девушкой? – обрадованно всплеснул руками отец.

– С девушкой отец, а что это тебя так удивило? Или ты думаешь, что я знакомлюсь только с парнями?

– Да нет, что ты Стэн. Просто я рад за тебя. А как зовут девушку, если не секрет, и откуда она?

– Не секрет, девушку зовут Ева, и живет она на Church street.

– Ева Свенсон?! Я хорошо знаком с ее родителями. Они вполне достойные люди и дочь у них умница. Она, кажется учится в Бирмингеме, если я не путаю?

– Да, это так.

– Свенсоны владеют тремя первоклассными отелями в городе и кроме того еще десятком парусных швертботов и двумя крейсерскими яхтами. По силе влияния в туристическом бизнесе на Saligia Свенсон-старший нисколько не уступает мне. К примеру, у меня в собственности всего одна крейсерская яхта и пять парусных швертботов.

– То есть ты хочешь сказать, что на данный момент он твой самый влиятельный конкурент?

– Добрый, добрый конкурент. Не смотря на суровые законы нашего бизнеса, мы со Свенсоном-старшим хорошие приятели.

– Зубастые приятели! – съязвил я.

– Можно и так сказать, – хитро подмигнув мне, согласился отец.

– Отец, я еще вчера хотел спросить тебя, помнишь, я дружил в детстве с соседской девочкой по имени Элия. Где она сейчас и чем занимается, ты не знаешь? – пользуясь хорошим расположением духа отца, спросил я.

Тот вдруг перестал улыбаться и, поставив бокал с вином, растеряно посмотрел на Агни. Агни в свою очередь, неожиданно нахмурилась, и не глядя на меня, тихо произнесла.

– Я тоже знала ее Стэн.

– Почему знала? – внутренне напрягся я. – Почему знала, Агни? С ней... с ней что-то случилось?

– Случилось Стэн, – нехотя ответил за Агни отец. – Я ждал, что ты спросишь про нее. Вы ведь так дружили в детстве. Я даже знаю, что ты ей писал одно время.

– Писал, долго писал. Но, последние пять лет, я ничего о ней не знаю, – чувствуя, что нечаянно затронул неудобную тему для разговора, неуверенно ответил я.

– Элии больше нет, сынок, – с усилием выдавил из себя отец.

В гостиной повисло неловкое молчание. Чтобы хоть как-то сгладить его, я захотел увести от тягостных воспоминаний отца и Агни. Я видел и чувствовал по их смущению и тревоге, что они каким-то образом имели отношение к тому, что случилось с бывшей подругой моего детства.

– Хорошо, хорошо, если не хотите об этом говорить то, пожалуйста, не говорите. Я просто...

– Элия была хорошей девушкой. Я помню, как она уехала поступать в Англию в университет в Кембридже. ...Да, она проучилась ровно год, а после приехала на лето в св. Иаков. Когда это с ней началось Агни, ты не помнишь? – собравшись с духом, решил все же продолжить отец.

– Где-то в начале сентября прошлого года. Элия стала какой-то странной. Она стала совершать такие поступки, которых от нее никто прежде не ожидал, тем более ее родители. Девушка стала куда-то пропадать по ночам и нередко ее находили избитой в изорванном платье около развалин старого монастыря в бухте. Сначала все думали, что ее кто-то похищает из местных и подвергает насилию. Но местная полиция, после тщательного, но безуспешного расследования лишь развела руками. Тут было что-то другое. Родители Элии сначала обратились к нашим докторам, а после к нашему священнику отцу Павлу. Наш психиатр советовал отправить ее в Англию на обследование, а отец Павел все время бубнил о том, что ею овладел какой-то могущественный демон. Но как ты сам понимаешь, в нашем просвещенном веке это прозвучало, по меньшей мере, смешно и нелепо для родителей Элии. И поэтому его предложения об осуществлении сеанса экзорцизма, были ими с негодованием отвергнуты. А между тем девушка слабела с каждым днем как физически, так и умственно. Последние дни своей жизни она провела в заточении в доме родителей. Она быстро слабела, и мы были одними из последних кто навестил ее накануне смерти. – Скорбным голосом вещал отец, перебирая в руках столовую бумажную салфетку.

– Когда мы пришли к ней попрощаться, она была в горячем бреду. Я помню, как она все время упоминала старый заброшенный монастырь и какого-то страшного человека в черном. ...Перед самым нашим уходом Элия пришла ненадолго в себя и пребывала в твердой памяти около получаса. Мы еще немного поговорили с ней и после оставили ее. На следующий день Элия умерла, – тихо всхлипывая, вспоминала Агни.

Отец встал из-за стола и, подойдя к возлюбленной, мягко положил ей руки на вздрагивающие плечи.

– Где ее похоронили, отец? – чувствуя, как тяжелеет у меня на сердце, задал я последний вопрос.

– На нашем местном кладбище Rue de Longis, до него можно добраться через северо-западную Night street. Мы когда-то ездили по ней с тобой в наш гольф-клуб, помнишь?

– Помню, конечно, помню, а вот кладбище никак не могу вспомнить, – задумчиво протянул я.

– А зачем запоминать такие вещи в детстве, сынок? – дрожащим голосом сказал отец и прикусил нижнюю губу.

– Могу я хотя бы с родителями Элии увидеться?

– Нет, Стэн, не можешь. Они уехали в Англию сразу же после смерти дочери. Теперь в их доме живет другая семья, – отрицательно помотал головой отец.

– Все мужчины, я больше не могу об этом думать, извините, но мне пора! – убирая с плеч руки отца, категоричным тоном заявила Агни.

– Постой Агни, я позвоню Якову, и он довезет тебя до отеля, – взяв французенку за тонкие пальцы, воскликнул отец.

– Пожалуй, не стоит Дрюон, я вызову такси. Тем более у меня есть кое-какие дела в городе. Кстати, передай Саре большое спасибо за чудесный обед. Я какнибудь обязательно щедро отблагодарю ее за золотые руки, не смотря на то, что она откровенно недолюбливает меня, – Оглядываясь в дверях, игриво улыбнулась Агни, с мастерством хорошей актрисы, маскируя нотки грусти в голосе.

Когда мы остались с отцом наедине, я осторожно спросил его.

– Как ты себя чувствуешь отец?

– С тех пор как ты приехал мне становится все лучше с каждым часом. Хотя мой доктор настаивает на продолжении постельного режима, – взъерошив на моей голове длинные волосы, ответил отец.

– Так может все-таки стоит послушать своего лечащего доктора? Кому как не ему лучше судить о состоянии твоего здоровья.

– Никаких постельных режимов. Завтра мы отправляемся на моей яхте на ловлю рыбы. Надеюсь, ты уже познакомился с моим лучшим штурманом Генри?

– Познакомился.

– Симпатичный молодой человек и настоящий профессионал. Он работает на меня уже пять лет, и я ему неплохо плачу. Так как насчет рыбалки, Стэн? Ты еще не забыл что это такое, а? – с боевым задором в голосе, воскликнул отец и энергично потряс кулаками.

– Нет, не забыл, но все же обещай мне пригласить завтра на рыбалку своего лечащего доктора. – Поставил я жесткое условие.

– Ай, он такой зануда, этот терапевт Кристиан, – в сердцах махнул рукой отец, падая в кресло.

На его бледном лбу выступила испарина.

– Отец, прекрати, обещай мне... – я видел, что за открытой бравадой отец скрывает лишь желание не казаться передо мной слабым, чтобы не огорчать меня.

– Хорошо сын, хорошо, – отец почти умоляюще посмотрел мне в глаза, – Стэн, ты надолго ко мне?

Не в силах созерцать тяжелое отчаяние, отражавшееся в его взгляде, я не думая, ответил:

– До начала сентября отец. В начале следующего месяца в Лондон прилетает моя мать и отчим Рэйли. Я договорился с ними, что встречу их там.

– Спасибо сын, ты меня очень обрадовал! – с облегчением выдохнул отец, вытирая мокрый лоб ладонью. – Да, хотел тебя спросить: как, ...как у тебя сложились отношения с твоим отчимом?

– Нормально, отец, – ровным голосом ответил я.

– А мама...

– Что мама? – сделал я вид, что не замечаю внутреннего волнения отца.

– Ничего, ничего сынок, забудь! Еще вопрос: как тебе мадемуазель Агни?

– Милая! – Не нашел я что больше ответить.

– Ха-ха-ха, милая, точно милая, сынок. Ну, спасибо, спасибо, уважил, ...милая. – от души развеселился отец.

– Почему бы тебе не жениться на ней, отец.

– Хм, Стэн, как ты уже понял, мадам Агни от мозга до костей принадлежит богеме, той самой богеме, от которой я когда-то благополучно сбежал. Это и вечная хандра, перепады

настроения, депрессии, срывы, излишнее самомнение и искусственная надуманность. Богемные люди любят внимание и очень быстро устают от постоянства. Они кормятся из рук госпожи музыки, не менее капризной, чем ее дети. Их кровь и вино это Впечатление!!! Им они живут и ради него кладут на алтарь все человеческое, тщетно стремясь всю жизнь покорить небеса. Но по – моему, сколько не промакивай небесных слез, никогда не поймешь о чем они плачут. Это говорит тебе талантливый и популярный в прошлом художник Дрюон Стинсон! Все суeta суeta. Знаешь, когда я в первый раз приехал на Saligia, то к своему стыду открыл самую большую правду о себе. А может быть это и есть та самая Истина, в поисках которой бегают миллионы слепцов по всему миру.

– И что же это за самая большая правда жизни, которая так изменила тебя, отец?

– Я глупый и самонадеянный человечешко, возомнивший себя одним из величайших художников современной эпохи, неожиданно понял, что самым великим и неподражаемым художником в мире, всегда была и остается Мать-Природа. Только она может претендовать на этот титул, но она не претендует и поэтому, она лучше и сильнее чем мы. Природа творит просто так: не из за алчности, денег и славы. Она просто творит и не надоедает нашим глазам и ушам повышенным вниманием со своей стороны. А мы, так называемые люди творчества, мечемся бестолково всю свою жизнь, пытаюсь придумать какой-то смысл придуманному нами гнусному миру и совсем не хотим понимать, что то, что мы творим это пошлая мазня и безвкусица. За нас все уже давно придумано и засистематизировано во Вселенной. И нет смысла разводить всякую athenaeum, пытаюсь переделать привычный ход вещей в природе. Я уже давно пришел к этому. Агни, к сожалению, еще пока нет.

– Может, ты просто завидуешь ее успехам, отец?

– Я умоляю тебя Стэн! Ты видел ту мазню, которую она показывала тебе вчера? ...Ну вот, теперь ты и сам можешь судить о степени ее «гениальности».

– Но ее, же картины пользуются всемирным успехом, ты, же сам мне об этом говорил? Неужели ты притворялся, отец?

– Пойми меня правильно Стэн. Во-первых, она мне нравится как женщина. Во-вторых, как я могу обидеть женщину, да еще такую как Агни! Популярный спрос быстро превращается в ширпотреб, а после только мусорная корзина. Вспомни Ван Гога: при жизни он не имел ничего. Его картины никто не покупал, а между тем он был по-настоящему гениален. И теперь его картины стоят миллионы долларов на аукционах Сотбис и Кристис и они доступны только избранным.

– Ты против того, чтобы художник стремился своим творчеством добиться богатства или славы?

– Я не против, Стэн, совсем не против богатства и славы. Как ты наглядно видишь, я и сам люблю сладко пожить. Но я не приемлю, когда художник творит только ради того, чтобы стать богатым и знаменитым.

– А как же Сальвадор Дали со своей знаменитой поговоркой: Если ты не мечтаешь об икре и шампанском и довольствуешься черствым куском хлеба и квасом, то тебе никогда не стать выдающимся художником.

– Сальвадор Дали это редкое исключение из правил. И тут нужно разграничить. Его великое творчество это одно, а его скандальный образ жизни это совсем другое. Все-таки больше его вспоминают с уважением за его гениальные картины, а не за бесконечные амурные похождения и раздражающую привычку везде рекламировать свои усы.

– Я все понял отец, тебе не нравится, что Агни больше интересуется наслаждениями, чем глубиной мук творчества. Тебе кажется, что она не достаточно страдает для художника такого ранга и популярности, так?

– Можно сказать и так. Хотя это и достаточно прямолинейно и грубо.

– Зато в точку. Но я надеюсь, что ты не желаешь, чтобы она не дай бог, отхватила себе садовым секатором уши в приступе гениальности, хе-хе?

– Упаси Господи, сын мой! О чем ты говоришь? Мне очень нравятся ее уши. И вообще, пусть она лучше остается такой как есть.

– Да, отец, мне кажется, ты немного перегибаешь палку в ее адрес.

– Помнишь, твоя мама когда-то называла меня «занудой Дрю»? Думаю, она была права. Я безнадежный эгоист и всегда хочу, чтобы все было, по-моему.

– Мне кажется, что ты еще немного максималист!

– Возможно, ты прав и даже не немного, а больше чем возможно.

– А как же насчет предложения Агни объединиться с ней совместными усилиями, после того как она приобретет виноградники во Франции? Мне кажется это очень хорошая мысль. Виноделие это очень доходный бизнес и прикрепляет человека к земле.

– Стэн, я умоляю тебя! Агни говорит об этом каждый раз как приезжает отдохнуть на Saligia, а знаю я ее уже семь лет.

– Ты думаешь, она говорит это несерьезно?

– Это ее мечта Стэн и мечта несбыточная. Я не верю, что она когда-нибудь купит виноградники и займется вполне земным делом. Да, я не отрицаю, что у нее вполне хватит средств и на несколько хороших поместий в не самом дешевом районе Франции как долина реки Луара. Но я повторяю еще раз: она блефует!

– Ладно, отец это все ваши личные дела и мне, если честно, до них нет особого дела. Но я все равно рад знакомству с Агни. У тебя хороший вкус отец!

– Мне очень приятно об этом слышать из уст своего сына. Я знал, что Агни тебе непременно понравится.

– А как вы общаетесь, когда она уезжает в Европу?

– Так и общаемся: скучаем на расстоянии и берем друг другу души телефонными звонками. Но иногда я приезжаю к ней в Париж. У нее большая квартира на Монмартре около площади Тертр. Я очень люблю этот район. Там я когда-то провел два счастливых года своей жизни. В последний раз я был в Париже в прошлом году на рождественских праздниках. ... Советую и тебе сынок съездить в Париж на Рождество, а хочешь... хочешь в этом году съездим вместе! Я столько интересного могу рассказать тебе о Париже, а Агни не даст нам с тобой заскучать. Как тебя такая идея, сын?

– Идея заманчивая отец, но пока ничего определенного не могу тебе сказать. В последнее время в моей жизни происходит столько разных перемен.

– Конечно, конечно, сынок, я прекрасно понимаю тебя. Ты молод и тебе всего хочется попробовать. Но если что... ты только позвони, хорошо?

– Обязательно отец. Да, хотел тебя еще кое о чем попросить...

– Говори, не стесняйся!

– Можно я еще раз сегодня воспользуюсь твоим автомобилем? Я хочу съездить на кладбище к Элии.

– Без вопросов. Конечно, бери. Может съездить с тобой?

– Не беспокойся. Лучше отдыхай. Я съезжу с Евой.

– Стоит ли брать ее с собой?

– Я обязательно спрошу ее перед этим.

В три часа дня я позвонил Еве и предложил ей встретиться со мной. Получив согласие от своей новой подруги, я забрал автомобиль отца с автостоянки и уже через несколько минут был у дома Евы. Она ждала меня на улице, нетерпеливо поглядывая по сторонам. Если честно, то я не сразу узнал ее без вчерашнего радикального прикида и яркой кричащей косметики. Сегодня на ней было простое белое платье с узким пояском и легкая вязаная кофточка, кото-

рые придавали ей внешний вид простой провинциальной девчонки по воскресениям прилежно посещающей воскресные церковные мессы.

Резко затормозив возле опешившей Евы, я распахнул дверь и чужим грубым голосом, подражая американским гангстерам, обратился к ней.

– Эй, церковная цыпа, не желаешь прокатиться с настоящим мужиком?!

Ева легко впорхнула на переднее сиденье и, захлопнув за собой дверь, с вызовом в голосе ответила:

– Легко, ковбой! А куда мы с тобой поедем?

Я привлек Еву к себе, и нежно поцеловав в губы, окунулся в живительный источник ее синих как небо глаз.

– Я успел соскучиться по тебе, крошка.

– Ты ранил мое сердце, Стэн, – потершись о мою щеку кончиком носа, горячо шепнула Ева. – Так куда мы едем?

– На кладбище Rue de Longis. Ты поедешь со мной, Ева? – испытывающе посмотрел я на девушку.

Ева откинула ладонью с лица непослушную прядь белых волос и с недоверием протянула:

– Ты шутишь Стэн?

– Я серьезно, Ева. Сегодня я узнал от отца, что моя подруга детства умерла, и вот решил ее навестить. – Пряча глаза за темными стеклами пляжных очков, серьезным тоном ответил я.

– А как ее звали? Я ведь местная и всех здесь знаю. – Ева сняла с меня очки и надела их на себя. – Ну как тебе, красавчик?

– Обворожительно. В них ты смотришься просто сногшибательно! – я провел пальцами по шелковистым волосам Евы и слегка пощекотал ее за ухом. – Ее звали Элия.

Ева резко сняла очки и с затаенным страхом посмотрела на меня.

– Стэн, ты знал нашу сумасшедшую красотку Элию?

– Мы дружили когда-то с ней, а после того как я уехал с Saligia, еще долго переписывались, – нахмурившись, буркнул я и завел автомобиль. – Так ты поедешь со мной, Ева?

– ...Я была год назад на ее похоронах. Да весь город тогда собрался, чтобы проводить ее в последний путь. Так-то девушка она была хорошая тихая, но после того как вернулась из Англии в нее словно сам черт вселился, – не сразу ответила Ева и, глядя прямо перед собой, сделала мне знак ехать вперед.

– Как это: сам черт вселился? – нажимая педаль газа, недоуменно воскликнул я.

– Ее часто видели, как она карабкалась по лестнице, ведущей к заброшенному монастырю. Там она проводила почти каждый день, исследуя старые развалины. Мы с ребятами тоже однажды видели ее там. Это была не очень приятная встреча. Мы как раз хорошо покурили «травки» и тут откуда не возьмись, вылезла эта самая Элия. Она была вся грязная, покрыта ссадинами и синяками. Мы сразу поняли, что с ней что-то не так. Она все время, как заведенная, вторила о каких-то семидесяти двух черных птицах, которые задали ей сложную задачу. Якобы для того, чтобы решить птичью головоломку, она должна собрать в развалинах монастыря семьдесят два кусочка священного камня. И если она не сделает это, то птицы обязательно выберутся из ее головы и убьют всех ее родственников. Ты бы это слышал Стэн! У нас волосы на голове дыбом встали, – дрожа всем телом, вспоминали Ева.

Свернув налево у Hautchville museum, я выехал на северо-западную Hight street и прибавил скорости. Мимо быстро замелькали цветные фасады аккуратных домов и толстые столбы деревьев, покрытые шапками сочной зелени.

– Стэн не гони так, пожалуйста, здесь нельзя так быстро ездить. Тем более до кладбища не так далеко, – затеребила меня за плечо Ева.

– Извини, что-то задумался, – я резко сбавил скорость и перешел на «черепаший» ход. – Так что было дальше?

– Дальше, дальше мы отвели ее домой, но это с ней еще не раз повторялось. А перед самой смертью, она говорит, несла такое, что даже у местного священника за одну ночь поседел волосы. ...Я помню, как ее хоронили. Хороший был день: тихий, погожий. Это было в начале сентября. Мы с ребятами шли в самом конце длинной колонны провожающих. Б-р-р, не могу больше это вспоминать. Знаешь, ее родители так плакали и убивались, что мне казалось еще немного и Элия внезапно оживет и встанет из гроба. Но нет, этого не произошло. Кстати, ее хоронили в закрытом гробу.

– Почему, не знаешь?

– Ой, Стэн, зачем тебе все это. Такие вещи происходят нечасто с людьми и если все-таки происходят, значит это так кому то нужно там на небесах. Или ты другого мнения? – Ева достала из маленькой сумочки сигареты с зажигалкой и нервно закурила.

– Я понимаю тебя Ева. Если хочешь, давай я поверну назад? – я резко нажал на тормоза и остановил машину.

Ева приоткрыла дверь автомобиля и спустила ноги на дорогу.

– Смотри Стэн как здесь красиво! – кивнула Ева на лежащую перед ней поляну покрытую ковром диких цветов.

– А какой здесь запах, выходя из машины, с наслаждением вдохнул я густой острый аромат летних цветов.

– Слышишь, о чем поют птицы, Стэн? – с интересом прислушалась Ева к громкому пению птиц, спрятавшихся в кронах капустных деревьев.

– И о чем же Ева? – присаживаясь на корточки около девушки, поинтересовался я.

– Они поют о жизни и любви Стэн. О жизни и любви, – многозначительно посмотрела Ева на меня.

– К чему это ты все, детка? – усмехнулся я, глядя сверху вниз на симпатичную мне девушку. В этот момент она была похожа на египетскую царицу Нефертити. Задумчивая гордость была ей к лицу. И я ей откровенно любовался.

– Зачем преждевременно отравлять свою жизнь мыслями о смерти. Ее и так слишком много кругом. Неужели тебе не достаточно впечатлений от красоты окружающей тебя, Стэн?

– Что-то тебя тянет сегодня на философию. Ты начиталась Ницше, Ева? – положив руку на обнаженное колено девушки, улыбнулся я.

– Не угадал, я предпочитаю Шопенгауэра и Платона! – откинув назад голову, засмеялась Ева.

– Сильно! Так мы едем или поворачиваем назад?

– Хорошо, поехали, – Ева погасила носком туфли тлеющую сигарету и откинулась на спинку автомобиля. Остаток пути до кладбища мы ехали молча. Все это время Ева затуманенным взглядом смотрела вверх на пробегающие перед нами молочные сгустки облаков.

Местное кладбище занимало весь склон холма Rue de Longis, сразу после которого начинался парк Waterloo. За парком же находился городской гольф-клуб «777», почетным членом которого был мой отец.

Кладбище было старое, но ухоженное. Дорожки между могилами и памятниками были аккуратно выложены камнями. Деревья и кустарники, растущие по всему периметру недавно покрашенной железной изгороди, аккуратно подстрижены.

Ева, выйдя из машины, посмотрела на меня долгим грустным взглядом и, кивнув головой, пригласила следовать за собой. Я закрыл автомобиль и, звеня на ходу ключами, послушно пошел за Евой. Миновав несколько рядов могил с гранитными стелами в виде витиевато вырезанных плит, кельстских крестов и изображений в виде ангелов и святых, мы подошли к большому памятнику в виде летящей птицы. В застывшем полете она напоминала распятого мученика, навечно превращенного в камень. Около могильного памятника лежал ворох полу-

истлевших прошлогодних цветов, переплетенных траурными лентами с посмертными некрологами. На памятнике были красиво выбиты слова неизвестного поэта:

«Мечтала ты стать птицей и летать по небу. О нем ты тосковала, расправляя крылья. И вот сама мечтой ты стала, превратившись в птицу. Оставив нам тоску, по тебе вспорхнувшей в небо».

– Она была на год старше нас... Элия Глостер. Дата рождения 5 сентября 1946 года. Дата смерти 5 сентября 1975 года. Бедняжка умерла в день своего рождения. – Сквозь тугой комок в горле, выдавил я и смахнул внезапно набежавшие на глаза слезы. Я никак не мог связать далекий воздушный образ маленькой хрупкой Элии с этим громоздким гранитным монолитом, под которым лежало истлевшее тело моей маленькой подруги детства. Это казалось таким страшным и нелепым для меня.

– Да, Стэн, ей бы еще жить да жить. Страшный конец для красивой молодой девушки, – взяв меня под локоть, отозвалась Ева.

Я осмотрелся по сторонам:

– Знаешь, здесь так спокойно и совсем не страшно.

– Ты так говоришь, как будто бы хочешь остаться здесь жить, – фыркнула Ева, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Интересно, могут мертвые видеть тех, кто к ним приходит? – увлекая Еву за собой по каменной дорожке, задал я сам себе вопрос.

– Стэн, ты со мной или смотришь в землю? – затеребила меня Ева за локоть.

– А, да, да, крошка, я с тобой. Просто меня на секунду выключило, – встряхнув головой, я остановился около одной из старых могил и пристально посмотрел Еве в глаза.

– Ты так загадочно улыбаешься, что мне становится не по себе. О чем ты думаешь, Стэн? – вздрагивая всем телом, потянулась ко мне на цыпочках Ева.

– Ты знаешь, о чем я думаю, моя обворожительная леди, – обвивая тонкую талию, очаровательной спутницы, проворковал я.

– Кравчик, а ты оказывается маньяк. Тебя возбуждает вид кладбища и все что связано с темой смерти, я права? – проводя накрашенным розовым ноготком по моим губам, томно прошептала Ева.

– Это от меня не зависит, чаровница. Ты околдовала меня и я не в силах уже сдерживать страсть, – покрывая открытую шею и лицо девушки горячими поцелуями, ответил я.

Всепоглощающая страсть овладевшая мной, передалась и Еве. Не в силах противостоять моему напору, она сладострастно вскрикнула и обмякла в моих объятьях. Я уже ничего не соображал и видел и чувствовал только ее, желанную и желающую вкусить со мной сладкий яд всесильной богини Любви.

Подхватив стонущую Еву на руки, я прижал ее к гранитной глади кельтского креста и стал лихорадочно срывать с нее нижнее белье. Проведя ладонью по ее упругому белому животику, я скользнул ладонью в горячий бархат, кипящий между ее бедер.

Вздрагивающая от моих неистовых поцелуев Ева, обхватила меня стройными загорелыми ногами и, заломив назад руки, застонала раненой птицей.

– Давай любимый, возьми меня. ...

Я провалился с головой в омут и тут же оказался в царстве пушистых облаков, вылепленных из розового ванильного мороженого и взбитых сливок с клубникой. Обмазавшись с головы до ног сладким наваждением, я провалился сквозь хрупкую мягкую массу и на большой скорости упал в распахнутые объятия неба. Мое обнаженное липкое от сахара тело облила упругим языком синеглазая Роза ветров. Ее длинные распущенные волосы опутали меня с головы до ног, и я почувствовал, как внутри меня раскрывается алый цветок любви. ...

...Когда я пришел в себя, утомленная Ева лежала на моем плече и, казалось, не дышала. Я провел ладонью по ее влажной спине и тихонько поцеловал ее в мочку уха.

– Любимая, ты слышишь меня.

Ева медленно приподняла голову, и едва шелестя пересохшими губами, трогательно прошептала:

– Я чуть не умерла Стэн! Что ты со мной сделал?

– Тебе было больно? – осторожно опуская Еву на землю, всколыхнулся я.

– Нет, что ты дурачок. Я другое имела в виду. Что ты со мной сделал, в смысле, ты вскружил мне голову и лишил воли, – ласково улыбнулась мне Ева.

– Ты сводишь меня с ума, и я не могу ничего с собой поделать, когда нахожусь рядом с тобой, – привалившись спиной к памятнику, виновато произнес я.

– Ты так говоришь всем своим случайным подружкам, – поправляя на себе помятое платье, хитро посмотрела на меня Ева.

– Ты не случайная подружка, ясно тебе, – обижено бросил я, и надув губы потянулся рукой к Еве.

– Смотри, что ты наделал с моим нижним бельем. ...Ты настоящий маньяк, Стэн, – Ева спрятала в дамскую сумочку надорванные трусики и укоризненно посмотрела на меня.

– Сначала я хотел разорвать на тебе платье, но вовремя сдержался! – я обнял Еву на плечи и поцеловал в шею.

– Все, все, хватит Стэн, а то я сейчас снова захочу, и тогда мы уйдем отсюда только следующим утром, – сделала Ева попытку, освободиться из моих рук.

– Я согласен. Давай снимем с себя всю одежду и будем заниматься любовью на могилах до самого утра, – снова почувствовал я растущую во мне волну желания.

– А вот и нет, маньяк! Я хочу на берег моря. Мне надоело это скучное место, – Ева вырвалась из моих цепких объятий и резко побежала от меня по дорожке.

– Стой красавица, все равно ты от меня не уйдешь! – весело вскрикнул я и как ветер помчался за Евой.

Неожиданно девушка как вкопанная встала около памятника покойной Элии и, прижав ладонь к губам, с ужасом вскрикнула:

– Стэн, смотри, что это?

Я подошел к могиле и внимательно осмотрел ее:

– Ну и что случилось вдруг с тобой? Ты выглядишь так, как будто бы увидела привидение!

– Смотри на голову птицы: она смотрит прямо на нас! Так не было. Я точно помню, что голова птицы была повернута к небу. – Не слыша меня, Ева ткнула дрожащим пальцем в каменный глаз птицы, который уставился прямо на меня.

– Д-да, ты права. Чертовщина какая-то. Тьфу ты, как такое могла случиться, Ева? – озадаченно поскреб я ногтями затылок. Неприятный озноб пробежал по моей спине, как будто бы кто-то невидимый провел по ней холодной мертвой рукой.

– Стэн, давай быстрее уйдем отсюда. Мне становится не по себе от этого места. – Ева порывисто схватила меня за руку и поволокла за собой. Я, безвольно передвигая ноги, шел за ней и время от времени оглядывался на странный памятник, так напугавший нас. В последний раз, оглянувшись на место успокоения Элии, я вдруг увидел или это мне показалось от нервного перенапряжения, как гранитная птица встрепенулась на могильной плите и широко взмахнула крыльями. Ледяная волна ужаса сковала меня с головы до ног. Мое взбесившееся сердце набатом забилось в груди, заполняя уши невыносимым звоном.

Когда мы добрались до выхода с кладбища, мне показался вечностью тот путь, который мы проделали от могилы Элии.

– Все Стэн, я не знаю как ты, а меня сюда теперь и миллионом не затащишь, – жадно хватая воздух распахнутым ртом, выдохнула Ева.

– Да, теперь сюда только ногами вперед, – сломавшись пополам, нервно рассмеялся я.

– Да ты что такое говоришь, маньяк? Я же вижу как ты и сам испугался! – непослушными пальцами доставая сигарету из сумочки, с негодованием в голосе, крикнула мне в лицо Ева.

– Все, все, давай забудем и больше ни слова об этом, – я поднял вверх ладони и упал на колени перед Евой. – Прости меня за то, что притащил тебя сюда!

– Тебе не за что себя винить. Я уже взрослая девочка и сама принимала решение ехать с тобой. Тем более не все было так плохо, – Ева привлекла мою голову к себе и запустила пальцы в волосы.

– Поехали на море.

– Поехали!

...Когда мы отъехали от кладбища, с нас постепенно сошло напряжение и я почувствовал такое облегчение как будто бы нес на себе до этого огромный неудобный камень. Ева, достав зеркальце и пудреницу, молча, прихорашивалась. Я, искоса глядя на нее, тихо улыбался и вспоминал детали минувшей любовной бури, жестоко закрутившей нас обоих.

– Здравствуйте уважаемые радиослушатели! Вас приветствует Джон Пил и Джон Уотерс на BB 1 Radio. И чтобы сразу поднять ваше настроение на 212 градусов по Фаренгейту, мы для начала предлагаем вашему вниманию композицию группы Ramones с песней «Blitzkrieg pop». Итак еще раз, встречайте группу Ramones с песней «Blitzkrieg pop»! ... – Вдруг прорвался из динамиков радио далекий голос знаменитого ди-джея British Broadcasting Corporation.

– Господи, да что же это такое!!! – выронив от неожиданности из рук косметичку, тонко завизжала Ева.

– Успокойся, любимая это всего лишь радио! – зашелся я в приступе громогласного смеха, наблюдая за перепуганным выражением лица Евы.

– Правда, правда, это всего лишь Ramones, – приходя в себя от шока, растерянно улыбнулась Ева, ошалевшими глазами уставившись на меня.

– Ева, это группа Ramones! – повышая голос до самой высокой ноты, закричал я и с силой вдавил в пол педаль газа.

– Я слышу Стэн, это группа Ramones! – забившись в припадке дикого восторга, перекрикивая меня, завизжала Ева.

Громко подпевая вдвоем знаменитую песню группы Ramones «Blitzkrieg pop», мы счастливо улыбались, глядя перед собой полными наивной надежды глазами. Впереди нас ждала сама Вечность, окутанная манящей тайной и пьянящим запахом Свободы. Впереди была бесконечная Молодость и бесконечная счастливая Любовь, посетившая нас в это лето.

Поздним вечером, вернувшись с пляжа, я поднялся на второй этаж в свою комнату и, не раздеваясь, лег на кровать. Я пытался восстановить в голове события прошедшего дня, но обрывки мыслей в моей голове сплелись в один сплошной клубок лишенный всякого смысла и логики. Усталость укрыла меня с головы до пят чугунным пледом и не в силах больше бороться с естественными потребностями своей физической природы, я отключил кнопку разума и окунулся в тонкий мир бессознательного.

Видение пришло внезапно без стука и приглашения с моей стороны. Оно тихо впорхнуло через окно, и плавно передвигаясь по воздуху, зависло над моей кроватью. Я с усилием приподнял набухшие веки и непонимающим взором уставился на полупрозрачную светящуюся фигуру, похожую на ночную фею. Я не видел ее лица, но почувствовал тонкий аромат розового масла, источаемый ею. Привстав на постели, я попытался дотронуться рукой до широкого, переливающегося фиолетово-голубоватым светом, капюшона закрывающего лицо видения. Но только мои пальцы коснулись края ее одежды, как тут же их пронзила острая боль, словно сквозь них прошел высокий разряд тока.

Вскрикнув, я кубарем скатился с кровати и с опаской посмотрел на странное существо, вторгшееся в мои сны и причинившее мне боль.

– Кто ты? – спросил я, но не сказал вслух, а сделал это мысленно.

– Я Элия, твоя бывшая подруга. Неужели ты меня уже забыл? – опускаясь на пол посреди спальни, также мысленно ответило мне существо из моего сна.

– Этого не может быть? Я точно знаю, что нахожусь сейчас во сне и что ты не настоящая Элия. Ты призрак мертвой Элии! – зажмурившись, попытался я отогнать от себя ночное наваждение.

– Ты думаешь, что ты спишь, Стэн, – раздался в моей голове насмешливый детский голос. – Я без особого труда могу убедить тебя в обратном.

– И каким же образом, если ты всего, лишь призрак из сна? – не поверил я.

– Подойди ко мне Стэн, и я открою тебе иную реальность, не менее ясную, чем та на которой держится твое представление о мире. – Сняв с головы капюшон, привидение быстро приблизилось ко мне.

– Стой, не приближайся ко мне! – протестующе вытянул я перед собой руки и отпрянул к стене.

– Не бойся, неужели ты не видишь, что это я Элия?

Добрый детский голос лишил меня воли к сопротивлению и я, опустив руки, посмотрел в прозрачное лицо призрака. Да, это была Элия. Я всегда помнил ее милое нежное личико с тонкими правильными чертами. Ее длинные каштановые волосы, перевязанные розовым бантом. Я всегда помнил ее миндалевидные зеленые глаза с искринкой и обворожительную прелестную улыбку, с которой она встречала меня каждый день. Да, это была та самая Элия, которая навсегда осталась в моей памяти именно такой, какой я ее сейчас видел перед собой.

– Элия, как ты оказалась здесь! – не мог я поверить своим глазам и, поддавшись порыву, шагнул ей навстречу.

Элия склонила вниз кудрявую головку, и пелена грусти набежала на ее глаза.

– Стэн ты должен нам помочь, – услышал я ее умоляющий голос.

– Нам, почему нам? И как я могу тебе помочь, если ты уже мертва? – дотронувшись подрагивающими пальцами до лица Элии, спросил я.

– Я мертва, но ты еще пока жив, Стэн, – призрак Элии, качнулся в воздухе и стал трансформироваться в новую форму, внешними очертаниями напоминающую птицу.

– Что с тобой происходит, Элия? – отшатнувшись назад я, крепко зажмурил глаза и приготовился к худшему.

– Ты такой пугливый Стэн! Почему ты так боишься меня, если ты сейчас спишь? – услышал я в голове неприятный холодный голос.

– Я уже не знаю: сплю я или же сошел с ума? – почувствовал я, как холодеют пальцы на моих руках и ногах.

– Открой глаза Стэн и все твои сомнения исчезнут! Ты не спишь и ты не сошел с ума. Все что ты можешь сейчас увидеть – настоящее, более настоящее, чем тот мир, в котором ты жил до этой ночи.

Управляемый чужой волей, я медленно разлепил зажмуренные глаза и увидел перед собой гигантскую черную птицу с кривым желтым клювом. Она нависла надо мной подобно туче и, склонив на бок голову, изучающе смотрела на меня. Я маленький и ничтожный червячок, тут же весь съежился у ее когтистых лап и со страхом, стал ждать решения своей жалкой участи.

Все решилось в краткие доли секунд! Птица, распахнув широкие створки клюва, издала низкий гортанный клекот, и грубо схватив меня когтями за голову, быстро выпорхнула в открытое окно.

...Мое ночное наваждение не закончилось бешеным полетом по извивающимся скользкими змеями, спиралям астрала. Полузадушенный и почти лишившийся рассудка от страха, я был брошен своей пернатой похитительницей в мрачной раскаленной пустыне. Словно ненуж-

ную куклу, она швырнула меня на горячий желтый песок и быстро скрылась за плотной завесой багровых облаков. Я не знаю, сколько прошло времени пока я приходил в себя, но это мне немного помогло и кое-какие силы все же вернулись ко мне. Поддерживая рукой раскалывающуюся от боли голову, я встал на ноги и огляделся по сторонам. Да, это была самая настоящая пустыня, которую я не раз видел на фотографиях и по телевизору, но я даже не мог представить себе, что здесь может быть так жарко. Это было не то слово жарко! Это было настоящее адское пекло, смешанное с невыносимым зловонием, которое источал раскаленный воздух. Сняв с себя разорванную в полете рубашку, я обмотал ее вокруг головы и куском ее рукава закрыл нос и губы. Дышать стало тяжелее, но зато я стал меньше ощущать зловоние и резкие приступы тошноты.

Пустыня представляла собой плоскую равнину без барханов и холмов. Лишь на самом горизонте, я смог различить сквозь качающуюся завесу раскаленного воздуха размытые очертания какой-то горы. Мои ноги сами собой пошли в ее сторону, а голова моя пребывала в таком плачевном состоянии, что сейчас я вряд ли мог о чем-то думать и что-то пытаться систематизировать. Словно гаитянское зомби, управляемое волей невидимого бокора, шел я к заветной цели, о которой не имел ясного представления. Путь мой был долог. Я не знаю, сколько времени шел к зыбкой темной точке, колыхающейся передо мной. А может она была просто нарисована в моем воспаленном воображении? Может я просто сошел с ума и безнадежно потерялся в бесконечных лабиринтах своих кошмарных фантазий? Я понял одно, чем дальше я шел вперед, тем все больше отдалялась от меня моя безымянная цель. И вот, вконец вымотанный как морально, так и физически, я рухнул на колени и, надрываясь, закричал голосом отчаявшегося человека:

– Проклятая птица верни меня обратно в мою комнату! Где я? Что со мной происходит?

Я закусил зубами запястье руки и тут же почувствовал солоноватый привкус крови. Вид собственной крови полностью отрезвил мое подавленное сознание. Только сейчас я полностью поверил, что я не сплю и что это не американский фильм ужасов. Опрокинувшись навзничь, я горько зарыдал. Но на моих глазах не выступило ни одной слезинки. Жар проклятой пустыни постепенно превращал меня в живую мумию, лишая живительной влаги. Я протянул ладонь к далекому миражу и с надеждой представил, будто бы он вырос прямо из моей ладони. Прищипнув большим и указательным пальцем тонкую нитку горизонта, я тихонько потянул ее на себя и к своему изумлению и сумасшедшей радости, почувствовал, как далекий холм быстро приближается ко мне. Теперь я понял, как могу выжить в нереальном мире, невольным пленником которого стал этой ночью. Здесь не действовали привычные мне законы земной физики. Здесь все было именно так, как и должно быть в Аду: абсурдно и нелепо, что впрочем, вполне нормально для сумеречной зоны, созданной по обратным законам мироздания.

Когда гора не смогла дойти до Магомета, Магомет сам дошел до нее, а после написал священную для всех мусульман книгу «Коран».

Когда Стэн не смог дойти до горы, гора сама приблизилась к Стэну и после он, уверовал в то, что человек может постичь все, кроме собственного разума.

То, что принял безумный юноша за гору, оказалось настолько кошмарным по виду, что он пожалел о том, что обнаруженных у себя экстрасенсорных способностях. Гора оказалась громадным зеленым осьминогом, покрытым сплошным панцирем скользкой слизи. Поводя по сторонам мутным единственным глазом, он хватал длинными щупальцами с земли большие круглые камни и жадно отправлял их в черную яму рта.

«Неужели Ктулху на самом деле существует или это все-таки продолжение моего кошмара»? – Вздрагивая от омерзения и страха, я стоял как вкопанный на одном месте и молча, созерцал, как вокруг пустынного чудовища морского происхождения снуют сотни истощенных оборванных людей, больше похожих на тени. Громко стелая и падая от бессилия, люди поднимали с потрескавшейся земли тяжелые круглые камни и подносили их осьминогу. Но

чем больше они таскали камней, тем все сильнее хотел гадкий моллюск есть. Утробно рыча и громко хлюпая пастью, он переваливался с боку на бок всей своей студенистой массой, норовя схватить какого-нибудь неосторожного носильщика камней. Но, не смотря на общее истощение и жалкий вид, люди успевали, бросив очередной камень осьминогу, проворно отбежать прочь. Видно постоянный страх быть проглоченным таким уродом придавал им сил и стимул к выживанию. Вонь здесь была еще невыносимее, чем когда я только оказался в пустыне. Но зато в этом месте не было песка и было не так жарко.

Было еще одно открытие, которое сразу удивило меня: на небе затянутом багровыми неподвижными тучами, не было привычного мне желтого паука-солнце. Его или просто не было никогда в Аду или же оно сбегало из этой чертовой дыры в более приятное измерение. И небо здесь было совсем не то, к которому я привык в своем мире: оно было не настоящее. И я был уверен, что оно было нарисовано на гигантской прозрачной призме стекла рукой или копытом все сильного сумасшедшего мизантропа в лице гнусно воняющего рогатого козла Пана. Да, вкус у него еще был тот: кровавые тухлые разводы с примесью серого, напоминающего размазанные по лобовому стеклу кровавые сгустки мозга, пьяного автолюбителя. В этой безвкусной небесной палитре не хватало только большой черной нудно жужжащей, мухи. Зато был огромный вонючий желеобразный осьминог, перебравшийся в мой ночной мир из высохшего черепа покойного Говарда Лавкрафта. Одно пока для меня было секретом: я не знал своих сил и реальных возможностей. И поэтому боялся всего того, что сейчас видел и поэтому не знал, что мне делать и как поступить.

Мое купированное шестое чувство подсказывало мне, что если меня проглотит осьминог, то я больше не вернусь в свой мир таким как был прежде. Единственный путь, который меня ожидал после не очень приятного путешествия по пищеводу морской глубоководной твари это смиренная рубашка и постоянная комната с мягкими стенами в «доме скорби». Но все равно, я должен был сдвинуть себя с места и заставить действовать смерти на зло. Так, как если этот сон есть порождение моей подсознательной фантазии, то только я могу сдвинуть часы на мертвой точке застывшего пространства. И вот я решился!

Не сводя глаз с трапезничающей злобной твари, я приблизился к одному из носильщиков и громко окликнул его:

– Извините, можно я вас на минутку отвлеку?

Изможденный человек, выронив из натруженных рук тяжелый камень, распрямился и посмотрел на меня пустыми глазами. Они не выражали ничего, кроме глубокой скорби и обреченности, которая бывает только у тех, кто решается на последний в своей жизни шаг. Он был похож на самоубийцу, и я был не так далек от истины. Левый рукав его грязной изодранной в клочья рубашки, был подвернут до локтя. И я с ужасом смог рассмотреть на его левом запястье глубокие засохшие порезы, явно оставленные укусами бритвы. Раны еще сочились сгустками застывающей крови, в которой в изобилии копошились маленькие белые черви.

– Что тебе нужно, незнакомец? Ну же говори? – слепыми глазами посмотрел на меня самоубийца и поводил носом по воздуху.

– Кто вы и что здесь делаете? – остановившись в нескольких шагах от живого мертвеца, спросил я.

– Можешь звать меня Сэм-Юнг. Я бывший солдат Ее Величества, – удивил меня своим ответом истощенный носильщик.

– Что ты здесь делаешь, Сэм-Юнг? – решился я задать ему еще один вопрос.

– Я собираю свои грехи и скармливаю этой восьмипалой скотине, которая никак не может ими нажраться, – устало склонив голову вниз, процедил сквозь зубы Сэм-Юнг.

– Как ты оказался здесь, солдат? – я присел на корточки и стал с интересом разглядывать лежащий у моих ног камень греха. Он был необычный, или точнее необычный для моего дневного мира, но не для сумеречной зоны. На ощупь камень был не твердый, а скорее упругий и

заметно пульсировал. Я сильно надавил на него пальцами, и из еле заметных пор живого камня заструилась зловонная сукровица.

– Да что здесь другого запаха нет, кроме этой гниющей дряни! – в сердцах вскрикнул я, отшвыривая камень в сторону слепого солдата.

– Я выпил слишком много снотворного, чтобы больше никогда не просыпаться. Но врачи смогли спасти меня и привязали к постели кожаными ремнями. Я просил их пожалеть меня и не обречь на пожизненное существование в темноте. Никто меня не послушал, и мне пришлось перерезать себе вены спрятанной бритвой, – поднимая отброшенный мною камень греха, покорно ответил Сэм-Юнг.

– Но зачем ты это сделал, солдат? Ты как я вижу не калека в отличие от сотен тысяч других солдат, лишившихся в Великой войне рук и ног.

– Меня свел с ума Дуднагчун, и я не мог больше выносить его в моей голове! – с мукой в голосе, застонал Сэм-Юнг.

– Кто это, Дуднагчун?

– Маленький черный демон без лица. Власть его бесконечна и зло, которое сокрыто в нем способно уничтожить десятки миров, подобных тому, который я когда-то добровольно покинул. Я видел его всего один раз, но мне было этого достаточно, чтобы возненавидеть жизнь на Земле. Мне было достаточно одной секунды в его присутствии, чтобы понять всю ничтожность и зыбкость собственного бытия. Я вдруг понял, что ужас, завладевший мной, никогда не покинет меня, пока я жив. Он отравил мою душу ядовитым плодом страха. Пока я был жив, мне всюду мерещились лишь черви и тлен, источающий мерзкое зловоние. Я не мог любить больше женщин. Я не мог больше радоваться встречам с друзьями. Я не мог чувствовать аромата цветов и сигарет. Мне пытался помочь один умный доктор, но и он стал потихоньку сходиться с ума после общения со мной. Я устал от одиночества в собственном Аду, подаренным мне маленьким черным демоном без лица. ...Он еще там Стэн! Ты слышишь меня? Он еще там! – Сэм-Юнг поднял вверх палец и ткнул им в пышущие жаром угли облаков.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут, солдат? – я не мог поверить своим ушам: этот мертвец назвал меня по имени!

Сэм-Юнг обнажил в улыбке поеденные кариесом зубы и снисходительно посмотрел на меня:

– Не забывай Стэн, что я вот уже как тридцать лет не принадлежу твоему миру. А здесь как ты уже, наверное, понял, а если еще не понял, то скоро поймешь, все совсем не так как там! – самоубийца еще раз ткнул пальцем на небо и, покачав головой, пошел прочь от меня.

– Постой Сэм-Юнг, постой! – натыкаясь на безмолвные тени носильщиков, бросился я за солдатом-самоубийцей.

Тот неожиданно повернулся ко мне и, схватив пальцами за горло, зло прошептал:

– Не ходи больше за мной смертный! Я и так слишком много тебе сказал. Придет время, и ты обязательно сюда вернешься. Но только не сейчас. Еще рано, еще рано для тебя, потому что Дуднагчун еще там, слышишь там!

Я вырвался из железных объятий мертвого Сэм-Юнга и почти умоляя его, спросил:

– Скажи солдат, куда мне идти дальше? Я не знаю, как попал сюда и тем более не знаю, как выбраться отсюда!

Сэм-Юнг приставил ладонь к выгоревшим от жара бровям и задумчиво произнес:

– Среди нас нет ни одного бывшего человека, которому бы светило помилование в будущем. Мы покусались на святая святых: на собственную жизнь. Я не могу одарить тебя надеждой, так как сам безнадежен.

– Ты христианин, Сэм-Юнг?

– Протестант и до сих пор верую в христианского Бога. Только я его никогда не видел, – горькое сожаление прозвучало в голосе самоубийцы.

– Может поэтому ты, и находишься здесь, Сэм-Юнг?

– Ты хочешь сказать, что уверовав в христианского Бога, и добровольно приняв заповедь о том, что самоубийство самый худший из всех грехов, я обрек себя на собственное проклятие? Об этом ты хотел мне сказать?

– Именно! Если бы ты не верил, что самоубийство худший из всех грехов на свете, то возможно бы не оказался в этом гнилом месте.

– А где бы я, по-твоему, оказался? – изобразив на исхудалом лице нечто напоминающее удивление, отозвался Сэм-Юнг.

– Ну я не знаю, например, в том мире в который попадают японские самураи, после того как делают себе харакири.

Сэм-Юнг некоторое время смотрел на меня невидящими глазами и наконец, изрек:

– Ты как я посмотрю умный парень, но еще ничего так и не повидавший в жизни. Я в твоём возрасте убил уже не одного человека и пережил настоящее нравственное падение в бездну собственной совести. Перед тем как уйти на фронт, я проплакал целую ночь в своей казарме.

– Почему же ты плакал Сэм-Юнг? – не сразу понял я.

– Я плакал о тех, кого мне предстояло убить на войне. Не знаю плакали ли они обо мне, перед тем как выстрелить мне в лицо, но моя совесть понятие сугубо индивидуальное и я не могу пойти против нее. Она мой суд и только она может казнить меня и миловать. Я все сказал! – отрезал Сэм-Юнг, и больше не отвлекаясь на меня, пошел к жадному до чужих грехов осьминогу.

– Постой, а мне теперь куда идти прикажешь? – крикнул я вслед слишком «правильному» солдату.

– Тебе нужно идти в ту сторону, на Восток, – донеслись до меня последние слова солдата. – Там ты увидишь толпы «ищущих прощения». Иди с ними, и ты обретишь свой путь.

Проводив взглядом сгорбленную тщедушную фигуру самоубийцы, я брезгливо скривился и с досадой прошипел:

– Придурок блаженный.

Грубо расталкивая локтями снующих вокруг меня оборванных мертвых самоубийц, я выбрался на свободное пространство и обратил все свое внимание на восток. По крайней мере, показав в ту сторону пальцем, Сэм-Юнг сказал, что это восток. Хотя он мог и ошибиться: ведь он был слепой. Но ведь не обычный слепой, а слепой мученик Ада!

Неблизкое расстояние я преодолевал по уже опробованной схеме-натяжением тетивы горизонта на себя. Жаль только я не мог проткнуть пальцем скучную размазанную рожу неба, чтобы выдавить из него немного влаги. Я был согласен даже на «крокодилы» слезы грешников. Лишь бы они только плакали!

Хотел я слезы грешников-получил слезы грешников, а в придачу и добрую сотню самих грешников.

За горизонтом, в который я уткнулся носом, ничего больше не было. Не было и самого горизонта. Была лишь бесконечная вертикальная плоскость, в самую высокую точку которой упирались багровые пятна облаков. Недоуменно постучав пальцами по гладкой серой поверхности, я обреченно застонал:

– Теперь я точно никогда отсюда не выберусь. Это конец!

– Поставив точку на пути своих долгих и трудных странствий, ты сам определяешь протяженность своего пути и всего-то. Если ты не поймешь этого, то уподобишься мелкому узколобому существу. Так что не стоит отчаиваться, потому что это не конец. Бесконечность не имеет конца и начала, – услышал я за спиной незнакомый мне голос.

Обернувшись, я увидел лежащего под громоздким каменным валуном голого бородатого мужчину средних лет. По его вальяжной позе и насмешливому виду, я понял, что это какой-то местный пророк или же сумасшедший, выпрыгнувший из скоростного поезда земной жизни.

– Это еще что за персонаж? ... Ты кто, чудак? – я присел рядом с мужчиной на корточки и уничтожающим взглядом посмотрел на него.

– Я Любомудр! – равнодушно ответил мне босяк из Преисподней и, заложив руки за голову, устало прикрыл глаза.

– Прелюбодей что-ли? – не понял я.

– Идиот! ... Сам ты прелюбодей. Философ я, философ, – обиженно встрепенулся мужчина и, обхватив ладонями грязные натертые колени, уставился вдаль. – О, смотри, ползут очередные вожделеющие прощения, хе-хе! Вот кто по-настоящему счастлив в своем неведении: блаженные и невинные.

С запада в нашу сторону тащилась вереницей длинная цепь мужчин и женщин всех возрастов. На каждом из идущих была одета длинная до пят белая хламида. Они шли, молча, не издавая ни единого звука. Впереди медленно бредущей колонны степенно вышагивала горбатая обезьяна, покрытая клочками коричневой шерсти. В ее длинных волосатых пальцах поблескивала тонкая серебристая флейта. Важно надув щеки, и выпучив круглые глаза, обезьяна исполняла витиеватый еврейский клезмер. Подчиняясь звукам мелодичной музыки, «немая» колонна быстро приближалась к нам.

– Кто это? – уже привыкнув удивляться, спросил я своего нового знакомого.

– ... «Сокрою лицо мое от них и увижу, какой будет конец их», «Ибо они народ потерявший рассудок, и нет в них смысла!» Второзаконие, может, читал когда? Хотя, видя твою молодость, я думаю, ты пока находишься в стадии самолюбования. Тебе еще не рано готовиться к сезону печали. Тело твое сильное и гладкое. Мысли твои чистые и пустые. Ты вчерашний ребенок и ты не мертвец! Но тогда зачем ты здесь?

То, что сейчас говорил этот босяк, не имеющий даже рваных штанов, чтобы прикрыть свой срам, напоминало мне бред сумасшедшего. Нет, это был не философ. Это был настоящий псих, и теперь я понял, почему он был здесь один. Скорее всего, этот придурок и в Аду всем быстро надоел своими пространными речами, и ему нигде не нашлось места, кроме этого клочка пустыни с камнем.

– Может ты и прав, Стэн. Может я и вправду сумасшедший. Но кто из нас не был сумасшедшим на Земле? – без труда прочитал мои мысли Любомудр и продолжил философствовать дальше. – Тот мир, который когда-то покинул я, о чем ни капли не сожалею, был круглым домом идиотов, мечтающих сбежать от собственного идиотизма на Луну. А знаешь, почему на Луне нет идиотов? ... Потому что на ней нет людей, ха-ха-ха!

С брезгливой миной на лице я наблюдал как дергается на земле от смеха никому не нужный циник и совсем не чувствовал к нему ни капли жалости или понимания. Меня всегда настораживали «конченые» циники и «недобитые» философы. В каждом из них прослеживалось какое-нибудь откровенное отклонение от нормы, заложенное с раннего детства. По-моему собственному мнению, практически у всех «философствующих» мужчин были при жизни проблемы с женщинами или же они мучились всю свою жизнь между выбором половой ориентации.

«Быть или не быть, вот в чем вопрос!» – эта гениальная в своей глубине и простоте фраза философа-драматурга Шекспира, обозначила собой всю эту бесконечную трескотню «великих неудачников».

– Кажется, я знаю кто ты, придурок! Ты этот, Диоген! – хлопнул я себя ладонью по лбу, ошеломленный неожиданным открытием. Ведь не каждый день увидишь, пусть и в Аду, человека, жившего еще до нашей эры.

– Какой именно Диоген: Синопский, Аполлонийский или из Эноанды? – явно польщенный моим сравнением, живо откликнулся Любомудр.

– Как какой? Тот, что жил в бочке!

– А, прославленный «маргинал»! Ну, ты хватил, парень, какой я тебе Диоген? Я умер всего несколько лет назад. У меня был свой автомобиль, хороший дом и как у всех людей, большая семья. По профессии я был бухгалтером: считал чужие деньги. Говорят, я был хорошим бухгалтером, – открыл свое истинное лицо философ из Преисподней.

– А чего тебе не жилось то на Земле? И каким образом ты попал в мой кошмарный сон?

– Во-первых, я не по собственной воле попал сюда. За мной пришла худая угрюмая баба с косой и силой загнала меня в этот скотомогильник, – с негодованием сплюнул под ноги Любомудр. – А во-вторых, с чего это ты решил, что все это сон?

– С чего решил? Ты говоришь с чего решил, да с того решил, что мне еще умирать рано! Не мог я просто так умереть во сне, – вцепился я опешившему философу-бухгалтеру в длинную свалывшуюся бороду.

– А просто так умереть не мог: без причины? Или для того чтобы умереть, нужна обязательная причина в виде старости, болезни или увечья?

– И просто так не мог. У меня только вчера был сумасшедший секс со своей любимой девушкой. Я люблю ее и хочу, чтобы мы были вместе, а тут такая «засада»! – я закрыл лицо ладонями и горько заплакал. Мне до зубовного скрежета надоел этот inferнальный «цирк» с безвкусными декорациями и странными персонажами.

– Да, парень, понимаю тебя. ... Ты это, особо не злился на меня. Я ведь тоже когда-то любил девушек, и они меня любили. Только вот отлюбился я уже парень, – успокаивающе похлопал меня по плечу Любомудр. – Ты вот что, иди с «ищущими прощения». Может, и выберешься отсюда.

– А куда они идут, тут ведь тупик? – сквозь слезы, всхлипнул я.

– Ты забыл, что я тебе говорил, а? Могу сказать по-другому: «Ищущие, да обрящут». О, я тоже вспомнил, кого ты мне вдруг напомнил!

– И кого же? – вопросительно уставился я на философа-любителя.

– Вергилия, спустившегося в дантов Ад, вот кого.

– Какого на фиг Вергилия? Не хочу я спускаться в твой дантов Ад, мы сегодня с отцом на ловлю рыбы собирались.

– Беда человека в том, что он все время пытается спланировать свою жизнь на будущее. Но у тебя есть прекрасная возможность на практике убедиться в бесполезности гаданий, гороскопов и астрологических прогнозов, составленных глупыми для глупых. Может, когда ты отсюда выберешься, ты отвыкнешь от привычки планировать и станешь жить настоящим. Потому что человек не может сказать со стопроцентной точностью, что ожидает его впереди. А все попытки впихнуть в пятьдесят шесть карт Таро весь смысл собственного Бытия попросту одна из сотен глупейших попыток потешить собственное самолюбие, искусственной принадлежностью к Знаниям. Никто ничего не знает!

– Зато, как я посмотрю, ты все знаешь! – вставая в полный рост, не удержавшись, съязвил я.

– Все знает только Бог! Потому и молчит. Ему нет смысла доказывать смысл Бытия и всего происходящего во Вселенной, – опершись спиной о шершавую поверхность камня, философски ответил на мою насмешку Любомудр.

– Говоришь: «Ищущие, да обрящут»! Ну, тогда я пошел.

Дождавшись, когда мимо меня пройдет последний «ищущий прощения», я незаметно пристроился в хвост колонны.

– Ищи в себе человека, Стэн, – помахал мне на прощание мученик собственной мудрости.

– Пойдем со мной Любомудр, – кивнул я головой философу-одиночке.
– Я никогда не любил карусели, Стэн и поэтому, не люблю возвращаться к уже виденному мной, – услышал я его последние слова.

Любомудр оказался прав: конец горизонта в виде вертикальной плоскости не был концом моего пути. Он явился началом моих неожиданных приключений в бездонном омуте тонкого мира.

Колона блаженных во главе с играющей на свирели обезьяной прошла, как нож сквозь плоскость и я остался последним, кто на две четверти секунды запнулся у открывшего «червячного перехода» в пространстве. Но долго размышлять в моем положении было глупо, так как мне совсем не нравилась идея стать напарником болтливового Любомудра. И уже на третьей четверти секунды я прыгнул вслед за исчезающими во тьме «ищущими прощения». Ощущение тьмы было недолгим, по крайней мере, мне так показалось. Я уже понял, что здесь все действует по иным законам времени, нежели на Земле. При мысли о мире, который я покинул не по собственной воле, сердце мое остановилось в груди. Поперхнувшись, я выплюнул его себе на ладонь и крепко сжал пальцами. Пронзительная боль вернула меня в реальность и я вновь почувствовал себя живым. Нет, сдаваться нельзя! Стоит мне только запаниковать, как тут же все полетит в тартарары.

Но Тартар оказался ближе, чем я мог себе представить! Когда наша странная процессия вынырнула из тьмы «червячного» перехода, на нас тут же обрушился град из свинцовых пуль. Да, это был настоящий свинцовый град, сопровождаемый частым грохотом ружейных выстрелов.

Несмотря на первые потери, блаженные не бросились назад. Тогда бы они обязательно затоптали меня своими босыми ногами. Переступая павших, толпа «ищущих прощения» упорно шла вперед. Прячась за спинами бегущих, я едва поспевал следом за всеми. Мы бежали по узкой горной тропинке и под нами буквально плавилась камни. Сцепив изо всех сил зубы, я быстро бежал по раскаленной тропе, с опаской поглядывая по сторонам. Слева от меня высились исполинские пики скал, наподобие зубов сказочного дракона. Справа край тропинки обрывался в глубочайшую пропасть, со дна которой поднимались гигантские языки бело-черно-красного пламени.

Вдруг в поле моего зрения попал тот, кто стрелял в нас. Это не был мускулистый волосатый демон со свиным рылом и козлиными копытами. В нас стрелял из охотничьего ружья обычный по виду человек, стоящий на склоне одной из скал. Он был одет в национальный баварский *tracht*: в кожаные штаны «ледерхозен», рубашку, жилет, сюртук (*loden*). Его голову покрывала шляпа с перьями и волосяными щетками (*seppel*), а его короткие толстые ноги были обуты в ботинки на толстой подошве. Рядом с незнакомцем, ошетилившийся грязно-белой шерстью, плевалась пеной от злости молодая немецкая овчарка Грайф. Стреляя в нас практически в упор, безжалостный модник сопровождал каждый выстрел отборной бранью на немецком языке. Я пробежал мимо него как раз в тот момент, когда он добивал выстрелом в голову моего соседа слева. Обливаясь остатками влаги, оставшейся во мне после муторного перехода через гниющую пустыню, я бежал вперед, пока не увидел выползающее из пылающей холодным огнем пропасти кошмарное страшилище. И если меня почти до смерти напугал пустынный осьминог, то это не говорило о том, что я получил «прививку бесстрашия» от созерцания других, не менее страшных обитателей сумеречной зоны. То что, выползло с противным шипением и воем из глубокой ямы, было до такой степени омерзительным, что меня тут же вывернуло наружу. Это Что-то напоминало и насекомое и человека, и было по размерам со слона. Перегородив своим мешкообразным желтым хвостом, тропу, безобразный мутант прошипел человеческим голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.